

Джо Аберкромби

Первый закон. Книга I

←—————→
Кровь и железо

Annotation

Тьма стучится над государствами Срединных земель. С Севера угрожает войной самозванный король Бетод и совершают опустошительные набеги страшные плоскоголовые твари шанка. Темные правители Юга, наделенные колдовской силой, только того и ждут, чтобы наброситься на своих соседей. И в самом сердце Союза, его столице городе Агрионте, черной язвой зреет измена. Кто способен сделать невероятное, защитить Срединные земли от сжимающейся вокруг петли? Верховный маг Союза Байяз призывает самых сильных и мужественных грудью встать на защиту родины. И первым на его зов откликается легендарный воин Логен Девятипалый по прозвищу Девять Смертей...

Джо Абберкромби
Кровь и железо

Четырем читателям – вы знаете, кто вы

Логен пробирался между деревьями, его босые ноги оскальзывались и проезжали по влажной земле, по грязи, по мокрым сосновым иглам; дыхание kloкотало в груди, кровь гулко стучала в висках. Потом он споткнулся и растянулся на боку, едва не раскроив грудную клетку собственной секирой. Некоторое время он лежал, тяжело дыша и всматриваясь в сумрачный лес.

Ищейка был рядом еще минуту назад, это точно, однако теперь куда-то пропал. Про остальных Логен вообще ничего не мог сказать. Ну и вожак: вот так растерять своих людей! Возможно, стоило повернуть назад, но шанка шныряли повсюду, Логен чуял их запах. Слева раздались какие-то крики – похоже, там шла драка. Он медленно и осторожно поднялся на ноги, стараясь не шуметь. Рядом хрустнул сучок, и Логен мгновенно развернулся.

На него надвигалось копьё – безжалостно и очень быстро. На другом конце копьё находился шанка.

– Вот дерьмо! – выругался Логен.

Он бросился в сторону, оступился, упал вниз лицом и покатился вбок, ломая кустарник. В любой момент он ожидал удара копьём в спину. Тяжело дыша, вскочил на ноги, вновь увидел, как стремительно приближается сверкающее острие, увернулся и укрылся за толстым стволом дерева. Как только попытался выглянуть – плоскоголовый зашипел и ткнул в него копьём. Тогда Логен на миг показался с другой стороны и сразу же нырнул обратно за ствол, а потом выпрыгнул из-за дерева и с размаху, с оглушительным ревом опустил секиру. Раздался громкий треск: лезвие глубоко врубилось в череп шанка. Чистое везение. Однако Логен считал, что заслужил немного везения.

Плоскоголовый постоял, недоуменно моргая. Потом запатался из стороны в сторону, по лицу его струилась кровь. А потом рухнул камнем на землю, выдернув секиру из пальцев Логена, и забился в конвульсиях у его ног. Логен попытался ухватить свое оружие за рукоять, но шанка не выпускал из рук копьё, беспорядочно рассекая им воздух.

– А! – выдохнул Логен, когда копьё вырвало кусок кожи из его руки.

На лицо его упала тень: еще один плоскоголовый. Огромная тварь, и уже в прыжке, с протянутыми руками. Нет времени, чтобы добраться до секиры. Нет времени, чтобы уклониться. Логен открыл рот, но не успел ничего сказать. Да и что скажешь в такую минуту?

Они вместе рухнули на влажную землю и покатались по грязи, колючкам, сломанным сучьям. Они рвали и молотили друг друга, издавая рычание. Логен ударился головой о древесный корень – так сильно, что зазвенело в ушах. У него был нож, но он не мог вспомнить где. Они катились все дальше и дальше, вниз по склону, мир вокруг вращался, голова Логена гудела после удара, а он пытался задушить здорового плоскоголового. Это длилось бесконечно.

А ведь затея казалась такой разумной: разбить лагерь возле ущелья, и можно не опасаться, что кто-то подкрадет сзади. Теперь, когда Логен скользил на брюхе к краю обрыва, эта идея потеряла большую часть привлекательности. Его пальцы скребли сырую почву – одна грязь да бурая сосновая хвоя. Он продолжал цепляться, но хватал лишь пустоту. Потом он сорвался. Из горла вырвался слабый стон.

Его ладони сомкнулись на чем-то: корень дерева, торчащий из земли на самом краю

ущелья. Логен охнул и закачался в воздухе, но не разжал рук.

– Ха! – вскричал он. – Ха!

Он жив! Горстки плоскоголовых мало, чтобы покончить с Логеном Девятипалым! Он принялся подтягивать свое тело наверх, на вершину обрыва, но почему-то не мог сделать этого. На его ногах висел какой-то тяжелый груз. Он глянул вниз.

Ущелье было очень глубоким, с отвесными каменистыми стенами. То там, то здесь из трещин тянулись вверх одинокие деревья, раскидывая кроны в воздухе. Далеко внизу текла быстрая речка – белый пенный поток, окаймленный зубцами черных камней. Все это не сулило ничего хорошего, но настоящая проблема располагалась ближе, прямо под рукой: здоровенный шанка не отстал от Логена. Он тихо покачивался взад-вперед, крепко вцепившись грязными руками в его левую лодыжку.

– Вот дерьмо, – пробормотал Логен.

В хорошенькую переделку он попал! Ему случалось выходить живым из самых плохих ситуаций, а потом петь об этом песни, но трудно себе представить что-нибудь хуже теперешнего положения. Это заставило Логена задуматься о своей жизни, и она показалась ему горькой и бесцельной. Она никому не принесла ничего хорошего. Только насилие и боль, а между ними – разочарования и житейские тяготы...

Руки уже начали уставать, предплечья горели. Огромный плоскоголовый, судя по всему, не собирался выпускать его. Наоборот, он понемногу взбирался вверх по Логеновой ноге. Шанка поднял голову, уставившись на врага горящим взглядом.

Если бы это Логен цеплялся за ногу шанка, он бы, скорее всего, думал так: «Моя жизнь зависит от ноги, на которой я повис, так что лучше не рисковать». Человек предпочтет собственное спасение убийству врага. Но шанка мыслят иначе. Логен знал это и не слишком удивился, когда плоскоголовый открыл свой огромный рот и вонзил зубы в голень противника.

– А-а-а! – завопил Логен.

Он сильно, как только мог, лягнул шанка босой пяткой, целясь в кровавую рану на голове, но тварь не разжала зубы. Чем отчаяннее Логен дергался, тем дальше руки его соскальзывали с покрытого грязью корня на краю обрыва. Вскоре пальцам стало почти не за что держаться, а оставшаяся часть растения могла переломиться в любую секунду. Логен старался не думать о боли в ладонях и предплечьях, о вонзившихся в ляжку зубах. Сейчас он упадет. Оставался единственный выбор – между падением на камни и падением в воду, и этот выбор почти не зависел от Логена.

Когда перед тобой стоит задача, лучше сразу браться за нее, чем жить в страхе перед ней, – так сказал бы его отец. Логен крепче уперся свободной ногой в стенку обрыва, сделал последний глубокий вдох и швырнул себя в пустоту со всей силой, какая в нем еще оставалась. Он почувствовал, что зубы шанка отпустили его ногу, а затем разжались цеплявшиеся пальцы, и на миг ощутил свободу.

А потом он стал падать. Быстро. Мимо проносились стены ущелья: серый камень, зеленый мох, клочки белого снега. Все вертелось и кружилось.

Он перевернулся в воздухе, бесцельно молотя руками и ногами, слишком испуганный, чтобы кричать. Ветер хлестал в глаза, рвал одежду, мешал дышать. Логен видел, как огромный шанка ударился о стену ущелья, как тело врага переломилось, отскочило от камня и улетело вниз – теперь уже бездыханное. Зрелище было приятным, но удовлетворение длилось недолго.

Вода поднялась навстречу Логену. Она ударила его в бок, словно нападающий бык, выбила воздух из легких, сознание из головы и втянула в себя, вниз, в холодную тьму.

*Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо.*

Гомер. Илиада.

Песнь шестнадцатая, строки 293–294.

Перевод В. Жуковского

Плеск воды – первое, что он услышал. Плеск воды, шорох листьев, шелканье и щебет птицы.

Он приоткрыл глаза и сощурился. Расплывчато-яркий свет сиял сквозь листву. Это смерть? Тогда почему так больно? Весь его левый бок пульсировал. Логен попытался глубоко вдохнуть, поперхнулся, выкашлял воду, выплюнул грязь. Простонал, перевернулся на четвереньки, вытащил себя из реки, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, и перекатился на спину – на мох, склизкий ил и гниющие сучья возле края воды. Какое-то время он лежал и смотрел вверх, в серое небо за черными ветвями; дыхание со свистом вырывалось из сорванного горла.

– Я еще жив, – прохрипел он самому себе.

Еще жив, несмотря на все старания природы, шанка, людей и зверей. Насквозь промокший, распластанный на спине, он засмеялся сиплым булькающим смехом. Если хочешь что-то сказать про Логена Десятипалого, скажи, что он умеет выживать.

Порыв холодного ветра пронесся над заболоченным речным берегом, и смех Логена медленно затих. Он выжил, да, но остаться в живых и дальше – это будет гораздо труднее. Он сел, морщась от боли, затем поднялся на непослушные ноги и оперся о ствол ближайшего дерева. Выскреб грязь из носа, глаз и ушей, а потом задрал мокрую рубашку, чтобы взглянуть на свои увечья.

Бок покрывали кровоподтеки от падения – все ребра в синих и лиловых пятнах. Болезненно, если дотронуться, но переломов нет. Нога представляла собой сплошное месиво, изодранная и кровоточащая после зубов шанка. Логен чувствовал сильную боль, но ступней можно было шевелить, а это главное. Ноги ему понадобятся, если он хочет выбраться отсюда.

Нож по-прежнему висел в ножнах на поясе, и Логен весьма этому обрадовался. Опыт подсказывал, что лишних ножей не бывает, а этот клинок был очень хорош. Тем не менее перспектива удручала: он в абсолютном одиночестве посреди лесов, кишящих плоскоголовыми, и даже понятия не имеет, где находится. Правда, можно пойти вдоль реки. Все реки здесь текли на север, с гор к холодному морю. Значит, надо идти по берегу к югу, против течения, забираясь как можно выше – в Высокогорье, где шанка не смогут его найти. Это единственный шанс.

Там, наверху, будет холодно. Смертельно холодно. Логен глянул вниз, на свои босые ступни. Вот уж повезло, так повезло: шанка подобрался к нему как раз в тот момент, когда он снял сапоги, чтобы срезать мозоли. Куртку он тоже сбросил, поскольку сидел возле костра. В таком виде и дня в горах не продержаться. За ночь руки и ноги почернеют от мороза, и Логен сгниет кусок за куском, прежде чем дойдет до перевалов. Если раньше не умрет от голода.

– Вот дерьмо... – в который раз пробормотал он.

Он должен вернуться к лагерю. Еще есть надежда, что плоскоголовые уши оттуда и оставили после себя хоть что-то. Что-то, что поможет выжить. Слишком много надежд, да, но выбора нет. Впрочем, у Логена никогда не было выбора.

К тому времени, как он добрался до места, начался дождь. Под мелкими брызгами волосы прилипли к черепу, одежда промокла насквозь. Логен прижался к мшистому стволу и

с бьющимся сердцем смотрел в сторону лагеря. Пальцы его правой руки до боли сжимали скользкую рукоять ножа.

Он увидел черный круг на том месте, где разводили костер, недогоревшие сучья и угли, втоптаные в землю. Увидел большое бревно, на котором сидели Тридуба и Доу, когда пришли плоскоголовые. Увидел разбросанные по поляне обрывки и обломки их вещей. Увидел троих мертвых шанка: они валялись на земле, у одного из груди торчала стрела. Трое мертвецов и никаких признаков живых шанка. Это удача. Удача, которой хватает лишь на то, чтобы выжить – как обычно. Тем не менее враги могут вернуться в любой момент. Надо спешить.

Логен выскочил из-за деревьев, шаря взглядом по земле. Его сапоги по-прежнему стояли там, где он их оставил. Логен схватил их, принялся натягивать на окоченевшие ступни, прыгая на одной ноге, и чуть не поскользнулся в спешке. Куртка тоже обнаружилась на прежнем месте под бревном – потертая и исцарапанная за десять лет войны и плохой погоды, многократно разорванная и залатанная, от одного рукава осталась лишь половина. Походная сумка лежала бесформенной кучей в кустах неподалеку, ее содержимое было разбросано по склону. Логен принялся собирать и заталкивать вещи обратно, пригнувшись и затаив дыхание: моток веревки, старая глиняная трубка, несколько полосок вяленого мяса, игла с бечевкой, помятая фляжка, в которой еще булькали остатки жидкости. Все полезное. Все пригодится.

За ветку куста зацепилось изорванное одеяло, мокрое и покрытое вьевшейся грязью. Логен сдернул его и сразу расплылся в ухмылке: внизу на земле валялся старый потрепанный походный котелок – возможно, кто-то пнул его ногой во время схватки, так что посудина откатилась от костра. Логен обеими руками схватил котелок. Надежный, знакомый, помятый и почерневший за годы безжалостного использования, он сопровождал Логена через все войны, по всему Северу и обратно. В нем варили пищу на привалах и вместе ели из него – Форли, Молчун, Ищейка...

Логен снова осмотрел место стоянки. Трое мертвых шанка, но никого из его людей. Может, они где-то рядом? Быть может, если он рискнет поискать их...

– Нет.

Логен сказал это тихо, вполголоса. Он знал, чем дело пахнет. Здесь полно плоскоголовых, чертова уйма врагов. Он понятия не имел, сколько провалялся на берегу реки. Даже если кому-то из парней и удалось удрать, шанка наверняка погнались следом, прочесывая лес. И сейчас все люди Логена наверняка мертвы, а их трупы разбросаны по горным долинам. Ему остается одно: отправиться в горы, пытаться спасти собственную жалкую жизнь. Надо смотреть правде в глаза, какую бы боль это ни причиняло.

– Теперь нас только двое, ты и я, – сказал Логен, засовывая котелок в походную сумку и забрасывая ее за плечо.

Он похромал прочь так быстро, как только мог. Вверх по склону, по направлению к реке и горам.

Лишь двое из всех. Логен и его котелок.

Выжили только они.

«Зачем я делаю это?» – в тысячный раз спрашивал себя инквизитор Глокта, хромая вдоль коридора.

Стены были оштукатурены и выбелены; впрочем, довольно давно. Все обветшало и пропиталось запахом сырости. Здесь не было окон, поскольку проход располагался глубоко под землей, и светильники отбрасывали медленно покачивающиеся тени.

«Кто бы вообще захотел делать это?»

Шаги Глокты выбивали устойчивый ритм по замызганным половым плиткам. Сначала уверенный щелчок правого каблука, потом кляцанье трости об пол, затем долгое подтаскивание левой ноги, сопровождающееся знакомой пронизывающей болью в щиколотке, колене, копчике и спине. Щелк, кляц, боль – таков был ритм его шагов.

Грязное однообразие стен коридора время от времени нарушали массивные двери, окованные и проклепанные рябым от ржавчины железом. Из-за одной вдруг донесся приглушенный крик боли.

«Интересно, что за бедолагу допрашивают здесь? В каком преступлении он виновен или неповинен? Какие тайны раскрываются, какие попытки солгать пресекаются, какие измены всплывают на поверхность?»

Впрочем, Глокта недолго думал над этим. Его размышления прервала лестница.

Если бы Глокте представилась возможность подвергнуть пыткам некоего конкретного человека, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя лестниц. Когда он был молод и вызывал всеобщее восхищение – до того, как на него свалились все эти несчастья, – он лестниц и вовсе не замечал. Слетал по ним вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и беспечно шел дальше по своим делам. Больше так не будет никогда.

«Они повсюду. Без лестницы с этажа на этаж никак не переберешься. И спускаться куда тяжелее, чем подниматься, вот чего никто не понимает. Когда поднимаешься, лететь вниз всяко меньше».

Он хорошо знал этот пролет. Шестнадцать ступенек из гладкого камня, немного истертые посередине и слегка влажные, как и все здесь внизу. Перил не было, ухватиться не за что.

«Шестнадцать врагов. Серьезный вызов».

Глокта потратил много времени, чтобы разработать наименее болезненный способ спускаться по лестнице. Он двигался боком, словно краб: сначала трость, затем левая нога, после правая. Это было куда мучительнее, чем при обычной ходьбе, когда левая нога принимала на себя вес тела. Ведь сейчас добавлялась еще и настойчивая пронзительная боль в шее.

«Почему у меня так болит шея, когда я спускаюсь по лестнице? Не на шею же я опираюсь?»

Однако боль была тут как тут.

Глокта приостановился, когда до низа оставалось четыре ступеньки. Он почти победил лестницу. Его рука дрожала на рукоятке трости, левая нога горела огнем. Он провел языком по деснам – там, где раньше были передние зубы, – набрал в грудь побольше воздуха и сделал шаг. Лодыжка вывернулась с устрашающим хрустом, и он нырнул вперед, в воздух, изгибаясь, кренясь, переполняясь ужасом и отчаянием. Как пьяный, он неловко шагнул на

следующую ступеньку, скребя ногтями гладкую стену и подвывая от ужаса.

«Проклятый идиот!»

Трость загремела по полу, слабые ноги боролись с каменными ступенями. Наконец он очутился у подножия лестницы, каким-то чудом сохранив равновесие.

«И – вот она. Это ужасная, восхитительная, бесконечная секунда между мгновением, когда ты споткнулся, и мгновением, когда придет боль. Скоро ли я почувствую боль? Насколько сильной она будет?»

Хватая воздух безвольно раскрытым ртом, Глокта стоял у подножия лестницы и ощущал дрожь предвкушения.

«Вот, сейчас...»

Мучение было невыразимым – раздирающая тело судорога вдоль всего левого бока, от ступни до челюсти. Он плотно зажмурил наполнившиеся слезами глаза, прижал правую руку ко рту с такой силой, что хрустнули костяшки, сомкнул челюсти так, что оставшиеся зубы заскрежетали друг о друга, однако все равно не смог удержать рвущийся изнутри тонкий, пронзительный вой.

«Кричу я или смеюсь? Можно ли понять разницу?»

Он с трудом дышал через нос, сопли пузырились, заливая руку, скорчившееся тело содрогалось от усилия выпрямиться.

Судорога прошла. Глокта произвел несколько осторожных движений, проверяя свое тело. Нога горела огнем, ступня онемела, шея щелкала при каждом повороте головы, стреляя вниз по позвоночнику злобными маленькими уколами.

«Неплохо. Могло быть и хуже».

Он с усилием наклонился и подобрал трость, ухватив ее между двумя пальцами, снова выпрямился, вытер сопли и слезы тыльной стороной ладони.

«Захватывающее переживание. Понравилось ли мне оно? Для большинства людей лестница – обыденная вещь, для меня же – целое приключение».

Он похромал по коридору, тихо посмеиваясь. На его лице все еще играла слабая улыбка, когда он добрался до нужной двери и проковылял через порог в комнату.

Неопрятная белая коробка с двумя дверями напротив друг друга. Потолок слишком низкий, а пылающие светильники освещают комнату слишком ярко. Из одного угла ползла сырость, и штукатурка в том месте вздулась облезлыми пузырями, присыпанными черной плесенью. Кто-то когда-то пытался отскоблить продолговатое кровавое пятно на одной из стен, но, очевидно, приложил недостаточно усердия.

Практик Иней стоял на другом конце комнаты, сложив могучие руки на могучей груди. Он приветствовал Глокту кивком, выказав не больше эмоций, чем каменный валун, и Глокта кивнул в ответ. Их разделял привинченный к полу деревянный стол, усеянный зарубками и пятнами, с двумя стульями по бокам. На одном из стульев сидел голый жирный человек с коричневым холщовым мешком на голове и крепко связанными за спиной руками. Тишину нарушал единственный звук – сбивчивое приглушенное дыхание. Здесь, внизу, было холодно, но толстяк обливался потом.

«Так и должно быть».

Хромая, Глокта подошел ко второму стулу. Аккуратно прислонил трость к краю столешницы и медленно, осторожно, болезненно опустился на сиденье. Он вытянул шею влево, потом вправо и, наконец, позволил телу расслабиться, приняв почти удобное положение. Если бы Глокте представилась возможность пожать руку некоему конкретному

человеку, по собственному выбору, он, несомненно, выбрал бы изобретателя стульев. «Он сделал мою жизнь почти сносной».

Иней молча шагнул из своего угла к привязанному человеку и взялся за угол мешка, зажав его между бледными толстыми пальцами – большим и указательным. Глокта кивнул, и практик сорвал мешок, открывая лицо Салема Реуса. От яркого света тот принялся часто моргать.

«Подлое, мерзкое свиное рыло. Ты гадкая свинья, Реус. Отвратительный хряк. Ты готов сознаться прямо сейчас, могу поручиться – готов говорить и говорить без остановки, пока нас всех не затошнит».

На скуле Реуса темнел большой кровоподтек, и еще один виднелся на челюсти, прямо над двойным подбородком. Когда слезящиеся глаза Салема привыкли к резкому свету, он узнал Глокту, сидящего напротив, и лицо его вдруг озарилось надеждой.

«Тщетной, напрасной надеждой».

– Глокта, ты должен помочь мне! – завопил Реус, наклоняясь вперед, насколько позволяли веревки; слова извергались из его рта отчаянной нечленораздельной массой. – Меня ложно обвинили, ты знаешь это. Я невиновен! Ты ведь пришел помочь мне, правда? Ты же мой друг! Ты обладаешь влиянием. Мы с тобой друзья, друзья! Ты можешь замолвить за меня словечко! Я ни в чем не виновен, меня оболгали! Я...

Глокта поднял руку, призывая к молчанию. Мгновение он рассматривал знакомое лицо Реуса, словно никогда прежде его не видел. Затем повернулся к Инею.

– Очевидно, я должен знать этого человека?

Альбинос не ответил. Нижнюю часть его лица скрывала маска, а верхняя половина не выражала ровным счетом ничего. Он остановившимся взглядом смотрел на пленника, сидящего на стуле, и его розовые глаза были мертвыми, как у трупа. С тех пор как Глокта вошел в комнату, Иней не моргнул ни разу.

«Как у него это получается?»

– Да это же я! Я, Реус! – сипел толстяк. Его тонкий голос становился все выше, срываясь в панику. – Салем Реус, ты ведь знаешь меня, Глокта! Мы с тобой вместе воевали, пока ты не... ну, ты понимаешь... Мы были друзьями! Мы...

Глокта снова поднял руку и откинулся на спинку стула, словно в глубоком раздумье постукивая ногтем по одному из последних своих зубов.

– Реус... Это имя мне знакомо. Купец, член гильдии торговцев шелком. Человек, по общему мнению, богатый. Да-да, теперь припоминаю... – Глокта наклонился вперед и сделал паузу для пушного эффекта. – Он оказался изменником. Реуса забрала инквизиция, а его имущество конфисковали. Видишь ли, он замыслил уклониться от королевских налогов.

Реус разинул рот.

– От королевских налогов! – возопил Глокта, врезав ладонью по столешнице.

Толстяк смотрел на него во все глаза, нервно щупая языком зуб.

«Верхний ряд, правая сторона, второй сзади».

– Но мы забыли о манерах, – заявил Глокта, обращаясь в пространство. – Возможно, прежде мы с тобой и были знакомы, но моему помощнику ты наверняка не был представлен. Практик Иней, поздоровайся с этим толстяком.

Удар вышел не сильный – скорее шлепок, – но достаточно мощный, чтобы Реус слетел со своего сиденья. Стул заплясал на месте, но не сдвинулся.

«Вот как он это делает? Сбить человека со стула так, чтобы сам стул остался стоять?..»

Реус издал булькающий звук и распростерся по полу, прижав лицо к плиткам.

– Он напоминает мне выброшенного на берег кита, – произнес Глокта с отсутствующим видом.

Альбинос схватил Реуса под руку, подтянул вверх и швырнул обратно на стул. Из ссадины на щеке толстяка сочилась кровь, зато его свиные глазки теперь смотрели твердо.

«Большинство людей от побоев сразу плывут, но кое-кто, наоборот, ожесточается. Никогда бы не подумал, что этот слизняк способен на твердость. Однако жизнь полна сюрпризов».

Реус сплюнул кровью на стол.

– Ты зашел слишком далеко, Глокта, о да, слишком далеко! Торговцы шелком – уважаемая гильдия, они пользуются влиянием! И не станут мириться с подобным! Я известный человек! Быть может, прямо сейчас моя жена пишет прошение королю, дабы он выслушал мое дело!

– Ах да, твоя жена... – Глокта печально улыбнулся. – Твоя жена очень красивая женщина. Красивая и молодая. Боюсь, слишком молодая для тебя. Боюсь, она с радостью воспользовалась удобным случаем, чтобы избавиться от такого муженька. Боюсь, она сама, лично передала нам на изучение твои счета. Все до единого.

Лицо Реуса побледнело.

– Мы их внимательно просмотрели. – Глокта кивнул на воображаемую стопку бумаг слева от себя. – Затем сверились со счетами, хранящимися в казначействе. – Он показал на другую стопку справа. – И представь себе наше удивление, когда мы обнаружили, что цифры-то не сходятся. А ведь были еще ночные визиты твоих служащих на некие склады в старом квартале, небольшие незарегистрированные суда, определенные выплаты должностным лицам, подделанная документация... Нужно ли продолжать? – спросил Глокта, с глубочайшим неодобрением покачивая головой.

Толстяк сглотнул и облизал губы.

Перед пленником стояла чернильница с пером и лежал лист бумаги с признанием вины, записанным во всех подробностях красивым, четким почерком Инея. Оставалось только подписать.

«Все. Сейчас он будет мой».

– Сознайся, Реус, – вкрадчиво прошептал Глокта, – и положи безболезненный конец сему прискорбному делу. Сознайся и назови своих сообщников; мы все равно уже знаем, кто они. Так будет легче для всех нас. Я не хочу причинять тебе боль, поверь, это не доставит мне никакого удовольствия. – «Мне его уже ничто не доставит». – Сознайся. Сознайся, и тебе сохранят жизнь. Ссылка в Инглию вовсе не так плоха, как про нее говорят. Ты будешь продолжать наслаждаться жизнью и честно трудиться на благо своего короля. Сознайся!

Реус сидел, уставившись в пол, и трогал языком свой зуб. Откинувшись на спинку стула, Глокта вздохнул.

– Или не сознавайся, – продолжал он, – и тогда я вернусь сюда со своими инструментами.

Иней выдвинулся вперед, и его массивная тень упала на лицо толстяка.

– Тело найдут в воде возле доков, – нежно шептал Глокта, – раздутое от морской воды и страшно изувеченное. Опознать его не будет никакой возможности.

«Он готов заговорить. Он созрел и вот-вот лопнет».

– Были увечья нанесены до или после смерти? – отстраненно задал он вопрос, адресуя

его в потолок. – Был ли таинственный усопший мужчиной или то была женщина? Кто сможет сказать? – Глокта пожал плечами.

Раздался резкий стук в дверь. Лицо Реуса дернулось вверх, преисполненное новой надежды.

«Только не сейчас, черт возьми!»

Иней подошел к двери и приоткрыл ее. Из-за двери что-то сказали. Потом она закрылась, и Иней нагнулся, чтобы прошептать Глокте на ухо:

– Эфо Шекуфор.

Из косноязычного бормотания Глокта понял, что за дверью ждет Секутор.

«Уже?»

Глокта улыбнулся и кивнул, словно услышал хорошие новости.

Лицо Реуса помрачнело.

«Этот человек так ловко утаивал свои товары, почему же он не способен сейчас утаить свои эмоции? – Но Глокта сам знал ответ на свой вопрос. – Трудно оставаться спокойным, когда ты напуган, беспомощен, одинок и отдан на милость людей, не ведающих жалости. Кому, как не мне, это известно?»

Он вздохнул и самым утомленным тоном, какой только мог изобразить, спросил:

– Желает ли ты сознаться?

– Нет!

Свинные глазки пленника вновь наполнились решимостью. Он ответил на взгляд Глокты прямым взором и теперь сидел молча, настороженно, щупая языком зуб.

«Неожиданно. Очень неожиданно. Но, с другой стороны, мы ведь только начали».

– Что, Реус, зуб беспокоит? – Глокта знал о зубах все. Над его собственным ртом в свое время поработали лучшие мастера. Или худшие – это уж с какой стороны посмотреть. – Похоже, сейчас мне придется покинуть тебя на время, но пока меня не будет, я поразмыслю над твоим зубом. Очень серьезно обдумую, что с ним можно сделать. – Он взял свою трость. – И мне бы хотелось, чтобы ты, в свою очередь, подумал обо мне, думающем о твоём зубе. А еще серьезнее ты должен подумать о своем признании. – Глокта с трудом поднялся на ноги, расправляя ноющую ногу. – Вместе с тем мне кажется, что самые обычные побои также пойдут тебе на пользу, поэтому я оставлю тебя на полчаса в компании практика Инея.

От неожиданности рот Реуса округлился. Альбинос поднял стул и вместе с толстяком неспешно развернул его к стене.

– Несомненно, Иней – самый лучший из всех, кто у нас имеется для дел подобного рода.

Иней вынул пару потрепанных кожаных перчаток и принялся аккуратно натягивать их на большие белые руки, палец за пальцем.

– Ты ведь всегда предпочитал только лучшее, не так ли, Реус? – договорил Глокта и направился к двери.

– Подожди, Глокта! – взвыл Реус через плечо. – Подожди, я...

Практик Иней накрыл рот толстяка рукой в перчатке и поднес палец к своей маске.

– Тф-ф-ф! – прошипел он.

Дверь со щелчком закрылась.

Секутор ждал в коридоре. Он стоял, опираясь одной ногой о стену, насвистывал под своей маской что-то неопределенное и время от времени проводил рукой по длинным прядям волос. Увидев Глокту, Секутор выпрямился и слегка поклонился. Глаза его

улыбались.

«Он всегда улыбается».

– Вас требует к себе наставник Калин, – произнес Секутор с местным простонародным выговором. – И кажись, в таком гневе я его никогда не видел.

– Бедняга, как ты, должно быть, перепугался. Ларец у тебя?

– У меня.

– И ты прихватил оттуда немного для Инея?

– Прихватил.

– И конечно, еще чуточку для своей жены?

– Конечно, – ответил Секутор, глаза его улыбались еще «шире», чем прежде. – Моя жена будет довольна. Если я когда-нибудь ею обзаведусь.

– Хорошо. В таком случае я поспешу на зов наставника. Я проведу там пять минут, после чего войдешь ты вместе с ларцом.

– Прямо так взять и вломиться к нему в кабинет?

– Вламывайся на здоровье. Хоть глотку ему перережь, мне не жалко.

– Я сделаю все, как вы говорите, инквизитор.

Глокта кивнул и повернулся было, чтобы идти, но вдруг снова посмотрел на Секутора.

– Только не надо и в самом деле глотку ему резать, слышишь?

Глаза практика опять улыбнулись, и он вложил в ножны устрашающего вида нож. Глокта закатил глаза к потолку и похромал прочь. Его трость клацала по плиткам, нога пульсировала от боли. Щелк, клац, боль – таков ритм его шагов.

Кабинетом наставнику служила просторная и богато обставленная комната, расположенная на одном из верхних этажей Допросного дома. Все здесь было слишком большим и слишком пышным. Из огромного окна, почти целиком занимавшего одну из обшитых деревянными панелями стен, открывался вид на ухоженные сады внизу. Столь же огромный, покрытый причудливой резьбой стол расположился в центре мягкого цветистого ковра из некой жаркой экзотической страны. Голова свирепого животного из страны холодной, но не менее экзотической висела над величественным камином, в котором горел слабый огонек, вот-вот грозящий потухнуть.

Однако кабинет казался маленьким и серым по сравнению с самим наставником Калином – упитанным, здоровым мужчиной лет под шестьдесят. Его намечающаяся лысина с избытком компенсировалась великолепными белоснежными бакенбардами. Калина считали личностью устрашающей даже в среде инквизиции, но Глокта уже давно ничего не боялся, и они оба знали это.

У стола высилось большое вычурное кресло, однако наставник не сидел в нем, а расхаживал взад-вперед по комнате, кричал и размахивал руками. Глокте он предложил расположиться в другом кресле – тоже роскошном, но явно очень неудобном.

«Хотя меня это не сильно беспокоит. Обычное неудобство – это для меня вполне приемлемо».

Пока наставник неистовствовал, Глокта развлекал себя, представляя над камином вместо свирепого северного зверя голову Калина.

«Он очень похож на свой камин, этот напыщенный болван. Выглядит внушительно, но внутри почти ничего нет. Интересно, как бы он вел себя на допросе? Пожалуй, я бы начал с этих его нелепых бакенбард...»

Впрочем, лицо Глокты являло собой маску внимания и почтения.

– На сей раз ты превзошел самого себя, Глокта, безумный калека! Когда торговцы шелком прознают о случившемся, они живьем сдерут с тебя кожу!

– С меня уже как-то сдирали кожу. Это возбуждает.

«Черт подери, держи рот на замке и улыбайся! Куда запропастился этот свистун, этот болван Секутор? Я с него самого сдеру кожу, когда выберусь отсюда!»

– О да, отлично, Глокта, очень смешно! Подумать только – уклонение от королевских налогов! – Наставник яростно воззрился на него сверху вниз, щетинясь бакенбардами. – От королевских налогов! – завопил он, и на Глокту полетели брызги слюны. – Да они все этим занимаются! Торговцы шелком, торговцы пряностями – все! Каждый чертов придурок, у которого есть корабль!

– Но на этот раз они даже не скрывались, наставник. Это было прямым оскорблением для нас. Я подумал, что мы просто обязаны...

– Ты подумал? – Калин обратил к нему багровое лицо, трясаясь от ярости. – Тебе ясно было сказано: держаться подальше от торговцев шелком, торговцев пряностями и всех крупных гильдий!

Он зашагал взад-вперед с еще большей скоростью, чем прежде.

«Этак ты быстро протрешь ковер до дыр. И гильдиям придется покупать тебе новый».

– Ты подумал, скажите на милость! Так вот, ты должен его отпустить. Нам надо освободить его, а ты пока поразмысли над тем, как бы половчее да повежливее принести торговцам свои нижайшие извинения! Это черт знает какой позор! Ты выставил меня на посмешище! Где он сейчас?

– Я оставил его в компании практика Инея.

– Что?! С этим косноязычным животным?! – Наставник в отчаянии рванул себя за волосы. – Что ж, вот мы и вляпались! Сейчас от него почти ничего не осталось! Мы не сможем отправить его обратно в таком состоянии! Все, Глокта, теперь с тобой покончено! Покончено! Я отправляюсь к архилектору! Прямоком к нему!

Массивная дверь кабинета распахнулась от мощного пинка, и внутрь ввалился Секутор с деревянным ларцом в руках.

«Минута в минуту».

Наставник уставился на вошедшего с разинутым ртом, от гнева потеряв дар речи. Секутор приблизился к столу и резко поставил ларец, глухо звякнувший при ударе.

– Какого черта? Что может означать это...

Секутор потянул на себя крышку, и Калин увидел деньги.

«Приятное зрелище, не правда ли?»

Калин умолк на середине тирады с полуоткрытым ртом. Лицо его выразило изумление, затем озадаченность, затем настороженность. Наконец он поджал губы и медленно опустился в кресло.

– Благодарю тебя, практик Секутор, – проговорил Глокта. – Ты можешь идти.

Наставник, задумчиво поглаживая бакенбарды, глядел, как Секутор идет к двери. Лицо Калина постепенно обретало свой обычный красный цвет.

– Конфисковано у Реуса, – объяснил Глокта. – Теперь это, разумеется, собственность короны. Я подумал, что должен отдать деньги вам как своему непосредственному начальнику, дабы вы передали их в казну.

«Или купил себе новый стол еще больше прежнего, жирная ты пиявка».

Глокта наклонился вперед, положив руки на колени.

– А в ответ на все обвинения вы можете сказать, что Реус зашел слишком далеко, что его поведение вызывало вопросы и пересуды и что пришла пора подать пример. В конце концов, мы ведь не можем допустить, чтобы люди решили, будто мы совсем ничего не делаем. А теперь крупные гильдии занервничают и станут держаться скромнее. – «Они занервничают, и ты выжмешь из них солидную прибавку». – И наконец, вы всегда можете сказать, что во всем виноват я, безумный калека. Валите все на меня.

Глокта видел, что наставнику это предложение пришлось по душе. Калин пытался не выдать своих чувств, но при виде такого количества денег его бакенбарды аж встопорщились.

– Ну хорошо, Глокта. Хорошо. Будь по-твоему. – Калин протянул руку и осторожно прикрыл крышку ларца. – Но если тебе снова придет в голову что-либо подобное... поговори сперва со мной, ладно? Не люблю сюрпризов.

Глокта неловко поднялся на ноги, прохромал до двери.

– Ах да, и еще одно!

Глокта настороженно повернулся. Калин сурово взирал на него из-под своих больших пышных бровей.

– Когда я пойду на встречу с торговцами шелком, мне нужно иметь при себе признание Реуса.

Глокта широко улыбнулся, открывая зияющую дыру на месте передних зубов.

– С этим не возникнет проблем, наставник.

Калин не ошибся: Реуса нельзя было отпускать в таком состоянии. Губы обильно кровоточили, бока покрывали быстро темнеющие кровоподтеки, голова свесилась набок, лицо распухло до неузнаваемости.

«Говоря коротко, он выглядит точь-в-точь как человек, готовый подписать признание».

– Сомневаюсь, что тебе понравились последние полчаса, Реус. Очень сомневаюсь, что они тебе понравились. Возможно, это были худшие полчаса в твоей жизни, хотя не могу утверждать наверняка. Однако я сейчас размышляю над тем, что еще мы можем тебе предложить, и понимаю одну печальную истину... Видишь ли, прошедшие полчаса были наилучшими. По сравнению с тем, что тебя ждет впереди, – это просто светская беседа! – Глокта наклонился, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от кровавой каши, в которую превратился нос Реуса. – Практик Иней – девчонка рядом со мной, – шепнул он. – Безобидный котенок! Когда, Реус, тобой займусь я, прошедшие полчаса ты будешь вспоминать с тоской. Будешь умолять, чтобы я снова позволил тебе провести полчаса с моим практиком. Ты меня понимаешь?

Реус не издавал ни звука, не считая сипения, с которым воздух проходил через его сломанный нос.

– Покажи ему инструменты, – прошелестел Глокта.

Иней шагнул вперед и драматическим жестом раскрыл полированную коробку. Это была мастерски сделанная вещь, настоящее произведение искусства. Как только крышка откинулась, множество находившихся внутри маленьких лотков приподнялись и разложились веером, выставляя на обозрение инструменты Глокты во всем их зловещем великолепии. Здесь были ножи всех размеров и форм, иглы изогнутые и иглы прямые, бутылочки с маслом и кислотой, гвозди и шурупы, тиски и клещи, пилы, молотки и стамески. Металл, дерево и стекло сверкали, отполированные до зеркального блеска и заточенные убийственно остро.

Большая багровая припухлость почти полностью закрывала левый глаз Реуса, но своим правым глазом пленник заворуженно уставился на открывшуюся ему картину. Назначение одних инструментов было до ужаса очевидным, назначение других – пугающе неясным.

«Хотел бы я знать, чего он боится больше?»

– Кажется, у нас шла речь о твоём зубе, – промурлыкал Глокта. Глаз Реуса дернулся, переместившись на говорившего. – Или, быть может, ты предпочтешь сознаться?

«Он мой, он уже доходит. Ну же, сознавайся, сознавайся, сознавайся...»

Раздался резкий стук в дверь.

«Да черт бы их всех побрал еще раз!»

Иней приоткрыл шелку, послышался быстрый шепот. Реус облизнул вздувшуюся губу. Дверь закрылась, и альбинос наклонился к уху Глокты.

– Эфо арфи-экфор.

Глокта застыл.

«Денег не хватило. Пока я ковылял обратно от кабинета Калина, старый паскудник докладывал обо мне архилектору. И что же, со мной все кончено? – При этой мысли он ощутил некое позоренькое возбуждение. – Ладно, но прежде я позабочусь об этой жирной свинье».

– Скажи Секутору, что я сейчас приду.

Глокта повернулся было к пленнику, но Иней положил большую белую ладонь на его плечо.

– Еф. Эфо арфи-экфор. – Иней показал на дверь. – Фам. Шейчаш.

Глокта ощутил, как у него подергивается веко.

«Здесь? Но зачем?»

Он с трудом поднялся, ухватившись за край стола.

«Быть может, это меня найдут завтра в канале? Мертвое, раздувшееся тело... Опознать его не будет никакой возможности».

Единственной эмоцией, которую он испытал при мысли об этом, была дрожь тихого облегчения.

«И никаких больше лестниц».

Архилектор инквизиции его величества стоял в коридоре за дверью. Его длинный белый камзол, белые перчатки, копна белых волос были столь ослепительно чисты, что засаленные стены за спиной казались бурыми. Архилектору перевалило за шестьдесят, но в нем не чувствовалось даже намека на дряхлость. Стройный, гладко выбритый, тонкокостный, он поддерживал свое тело в идеальном состоянии.

«Выглядит так, словно никогда ничему не удивляется».

Они уже встречались однажды, шесть лет назад, когда Глокта вступал в ряды инквизиции. С тех пор архилектор Сульт, один из самых могущественных людей Союза, ничуть не изменился.

«Один из самых могущественных людей мира, если уж на то пошло».

За спиной Сульта, как гигантские тени, маячили два огромных молчаливых практика в черных масках.

Когда Глокта вышел из комнаты, на лице архилектора появилась сухая улыбка. Она означала многое, эта улыбка: немного презрения и немного жалости, тончайший намек на угрозу. Все, что угодно, кроме веселья.

– Инквизитор Глокта, – проговорил Сульт, протягивая руку в белой перчатке ладонью

вниз. На пальце сверкало кольцо с крупным багровым камнем.

– Служу и повинуюсь, ваше преосвященство.

Глокта не сумел сдержать гримасу, когда медленно нагибался, чтобы прикоснуться губами к кольцу. Этот сложный и болезненный маневр, казалось, занял целую вечность. Когда Глокта наконец выпрямился, Сулыт спокойно взирал на него своими холодными голубыми глазами. Взгляд архилектора означал, что он успел разложить Глокту по косточкам и тот не произвел на него особого впечатления.

– Идемте со мной.

Архилектор развернулся и заскользил прочь по коридору. Глокта хромал следом, молчаливые практики шли сзади, практически вплотную. Сулыт двигался с непринужденной, безразличной уверенностью, полы камзола изящно развевались за его спиной.

«Сволочь».

Вскоре они добрались до двери, сильно напоминавшей дверь кабинета самого Глокты. Архилектор отпер замок и вошел внутрь, практики заняли места по обе стороны двери, скрестив руки на груди.

«Значит, частная беседа. Возможно, она станет для меня последней».

И Глокта шагнул через порог.

Комната напоминала коробку, покрашенную изнутри белой штукатуркой, неудобную, со слишком ярким освещением и слишком низким потолком. Вместо пятна сырости по стене проходила большая трещина, но в остальном кабинет архилектора ничем не отличался от кабинета Глокты. Здесь стоял такой же стол, покрытый зарубками, и те же дешевые стулья; на полу виднелось не до конца отчищенное пятно крови.

«Может быть, пятно просто нарисовали? Для усиления впечатления, так сказать?»

Внезапно один из практиков резко захлопнул дверь. Предполагалось, что Глокта должен был вздрогнуть, но он даже глазом не повел.

Архилектор Сулыт грациозно опустился на одно из сидений и подвинул к себе через стол толстую папку, набитую пожелтевшими бумагами. Он махнул рукой в направлении второго стула – того, где обычно сидели заключенные; Глокта не пропустил аналогию.

– Я предпочитаю стоять, ваше преосвященство.

Сулыт улыбнулся. У него были прекрасные, острые, ослепительно белые зубы.

– Неправда.

«Здесь он меня поддел».

Глокта отнюдь не грациозно опустился на стул для заключенных. Архилектор тем временем перевернул первую страницу из своей стопки документов, нахмурился и слегка покачал головой, словно был ужасно разочарован тем, что там увидел.

«Возможно, детали моей прославленной карьеры?»

– Меня не так давно посетил наставник Калин. Он более чем огорчен. – Жесткие голубые глаза Сулыта поднялись от бумаг. – Его огорчили вы, Глокта. Он весьма красноречиво поведал мне о причине своего недовольства. Сказал, что вы являетесь собой неконтролируемую угрозу, что вы действуете без единой мысли о последствиях, что вы безумный калека. И требовал от меня удалить вас из его отделения. – Архилектор улыбнулся холодной зловещей улыбкой, в точности такой, какую сам Глокта практиковал на своих пленниках. «Правда, у него больше зубов». – Полагаю, он имел в виду, что вас следует удалить... совсем.

Они устали друг на друга через стол.

«Видимо, здесь мне следует начать молить о пощаде? Припасть к земле и целовать тебе ноги? Однако все это слишком мало меня беспокоит, и я недостаточно гибок для коленопреклонения. Я встречу смерть сидя. Пусть твои практики перережут мне глотку, вобьют голову в плечи – все, что угодно. Просто не тяните».

Но Сулыт не торопился. Облаченные в белые перчатки руки двигались аккуратно, размеренно; страницы шуршали и похрустывали.

– У нас в инквизиции очень немного людей, подобных вам, Глокта. Вы благородного происхождения, из прекрасной семьи. Великолепный фехтовальщик, лихой кавалерийский офицер. Человек, которого готовили для самых высоких назначений. – Сулыт осмотрел его сверху донизу, словно с трудом мог поверить в это.

– Все это было до войны, архилектор.

– Разумеется. Когда вы попали в плен, скорбь была весьма велика, ведь надежды на то, что вас вернут обратно живым, практически не было. Война продолжалась, проходил месяц за месяцем, а надежда все таяла и в конце концов свелась почти к нулю. Однако после подписания мирного договора вы оказались в числе пленников, переданных Союзу. – Сулыт воззрился на Глокту, сузив глаза. – Вы им что-нибудь рассказали?

Глокта не смог удержаться и разразился булькающим, пронзительным смехом, раскатившимся по гулкой холодной комнате. Странный звук. Не часто такое услышишь здесь, внизу.

– Рассказал ли я им что-нибудь? Да я говорил, пока не сорвал глотку! Я открыл им все, что только мог вспомнить. Я вопил, пока не выдал все тайны, какие когда-либо слышал! Я болтал, как деревенский дурачок. А когда у меня кончилось все, о чем я мог рассказать, я начал выдумывать. Я ссал под себя и плакал как девчонка! Все так делают.

– Но не все выживают. Два года в императорских тюрьмах... Все остальные не продержались и половины этого срока. Врачи были уверены, что вы больше никогда не встанете с постели, однако уже через год вы подали прошение о вступлении в инквизицию.

«Мы оба знаем это. Мы оба при этом присутствовали. Так чего же ты хочешь от меня, почему не приступаешь прямо к делу? Похоже, тебе очень нравится звук собственного голоса».

– Мне говорили, что вы калека, что вас сломали, что вы никогда не вылечитесь, что отныне вам нельзя доверять. Однако я хотел дать вам шанс. Турнир может выиграть любой дурак, но настоящие солдаты рождаются именно на войне. Однако ваше достижение – то, что вы сумели выжить и продержаться два года, – уникально. Поэтому вас послали на Север, чтобы присматривать там за одним из наших рудников. Что вы можете сказать об Инглии?

«Грязная яма, до краев наполненная жестокостью и разложением. Тюрьма, где во имя свободы мы делаем рабами виновных и невинных. Вонючая дыра, куда мы посылаем тех, кого ненавидим и стыдимся, чтобы они умерли там от голода, болезней и тяжелого труда».

– Там было холодно, – произнес Глокта.

– И вы тоже были холодны. В Инглии вы завели себе очень немного друзей – почти никого из инквизиции и совсем никого из ссыльных. – Сулыт выхватил потрепанное письмо, лежавшее среди бумаг, и окинул его критическим взглядом. – Наставник Гойл говорил мне, что вы холодны, как рыба, что в вас совсем нет крови. Он считал, что вы никогда ничего не добьетесь, и жаловался, что не может найти вам никакого применения.

«Гойл. Этот гад. Этот мясник. Лучше не иметь крови, чем совсем не иметь мозгов».

– Но спустя три года выработка на вашем руднике увеличилась. Фактически она

увеличилась вдвое. Тогда вас вернули обратно в Аду и поместили под начало наставника Калина. Я думал, что, работая с ним, вы научитесь дисциплине, но, по-видимому, я ошибся. Вы упрямо стремитесь действовать по-своему. – Архилектор нахмурился и поднял взгляд на Глокту. – Откровенно говоря, мне кажется, что Калин вас боится. Они все вас боятся. Им не нравятся ваша самонадеянность, ваши методы, ваше... специфическое понимание сути нашей работы.

– А что думаете вы, архилектор?

– Честно? Ваши методы нравятся мне не больше, чем им, и я сомневаюсь, что ваша самонадеянность заслуженна. Но мне нравятся ваши результаты. Мне очень нравятся ваши результаты. – Архилектор резко захлопнул папку с бумагами и оперся на нее ладонью, наклонившись через стол к Глокте.

«Так же, как я наклоняюсь к своим заключенным, когда предлагаю им сознаться».

– У меня есть для вас работа, – продолжил Сульг. – Работа, которая станет лучшим применением для ваших талантов, нежели отлов мелких контрабандистов. Работа, которая позволит вам восстановить свое доброе имя в глазах инквизиции. – Архилектор сделал долгую паузу. – Я поручаю вам арестовать Сеппа дан Тойфеля.

Глокта нахмурился.

– Вы имеете в виду мастера-распорядителя монетного двора, ваше преосвященство?

– Его самого.

«Мастер-распорядитель королевского монетного двора. Влиятельный человек из влиятельной семьи. Очень крупная рыба. Слишком крупная, чтобы ловить ее в моем маленьком пруду. Рыба, имеющая могущественных друзей. Это очень опасно – арестовывать такого человека. Смертельно опасно».

– Позволено ли мне спросить почему?

– Нет, не позволено. Это моя забота. Сосредоточьтесь на том, чтобы вытащить из него признание.

– Признание в чем, архилектор?

– В коррупции и государственной измене, конечно же! Похоже, что наш друг мастер-распорядитель монетного двора был весьма опрометчив в некоторых своих частных действиях. Похоже, что он брал взятки. Что совместно с гильдией торговцев шелком он замыслил мошеннические операции в ущерб интересам короля. Было бы очень полезно, если бы какой-нибудь влиятельный член гильдии торговцев шелком случайно упомянул его имя в связи с каким-либо прискорбным вопросом.

«Вряд ли можно счесть простым совпадением то, что именно сейчас, когда мы разговариваем, один из влиятельных членов гильдии торговцев шелком сидит у меня в комнате для допросов».

Глокта пожал плечами:

– Когда у людей развязывается язык, на поверхность всплывают самые невероятные имена.

– Ну и хорошо. – Архилектор взмахнул рукой. – Можете идти, инквизитор. Я приду к вам за признанием Тойфеля завтра, в это же время. Лучше, чтобы к тому моменту оно у вас уже имелось на руках.

Тяжело дыша, Глокта брел по коридору обратно к своему кабинету.

«Вдох. Выдох. Спокойствие».

Он и не надеялся покинуть эту комнату живым.

«И вот теперь оказывается, что я причастен к судьбам сильных мира сего. Персональное поручение от архилектора Сульта: выбить признание в государственной измене у одного из самых важных чиновников Союза. Какие могущественные люди. Но долговечно ли их могущество? И почему именно я? Потому, что я умею это делать? Или потому, что мной можно пожертвовать?»

– Я приношу свои самые искренние извинения – сегодня нас постоянно прерывают. Входят, выходят. Просто бардак какой-то!

Реус скривил в печальной улыбке разбитые, вспухшие губы. «Улыбаться в такой момент – это просто чудо. Однако всему приходит конец».

– Будем откровенны, Реус. Никто не явится тебе на помощь. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо потом. Ты подпишешь признание. Однако ты можешь выбрать – когда именно ты его подпишешь и в каком состоянии будешь к тому моменту. Ей-богу, если станешь тянуть время, ты ничего не приобретешь. Кроме мучений. Этого добра у нас предостаточно.

Трудно было различить выражение залитого кровью лица Реуса, но его плечи опустились. Дрожащей рукой он окунул перо в чернильницу и слегка наклонным почерком написал свое имя внизу листа с признанием.

«Я снова победил. И что, у меня меньше болит нога? Может, у меня снова выросли зубы? Помогло ли мне то, что я уничтожил человека, которого когда-то звал своим другом? Зачем же я делаю это?»

Скрип пера по бумаге был ему единственным ответом.

– Превосходно, – проговорил Глокта. Практик Иней передал ему лист. – А здесь что, список твоих соучастников?

Он лениво пробежал взглядом по именам: «Горстка младших торговцев шелком, три капитана кораблей, офицер городской стражи, пара незначительных таможенных служащих. До чего скучный рецепт. Не добавить ли нам немного перца?»

Глокта развернул лист и сунул его обратно через стол.

– Впиши имя Сеппа дан Тойфеля, Реус.

Толстяк в замешательстве посмотрел на него.

– Мастера-распорядителя монетного двора? – промямлил он распухшими губами.

– Именно.

– Но я никогда с ним не встречался!

– И что? – резко спросил Глокта. – Делай, как я тебе сказал.

Реус медлил, его рот был приоткрыт.

– Пиши, жирная свинья.

Практик Иней хрустнул суставами пальцев. Реус облизнул губы.

– Сепп... дан... Тойфель, – бормотал он, вписывая имя в лист.

– Превосходно. – Глокта аккуратно прикрыл крышкой свои ужасно-прекрасные инструменты. – Я рад за нас обоих, что это нам сегодня не понадобится.

Иней защелкнул наручники на запястьях пленника, поставил его на ноги и повел к двери в заднем конце комнаты.

– И что теперь? – крикнул Реус через плечо.

– Инглия, Реус, Инглия. Не забудь прихватить с собой теплые вещи.

Иней вывел пленника, и дверь со скрипом затворилась. Глокта посмотрел на список имен, который держал в руках. Имя Сеппа дан Тойфеля стояло в самом низу.

«Одно имя. На первый взгляд ничем не отличается от остальных... Тойфель. Всего лишь еще одно имя. Но какое опасное...»

Секутор ждал его снаружи в коридоре, как всегда улыбаясь.

– Толстяка сплавим в канал?

– Нет, Секутор. Толстяка сплавим в Инглию на следующем же корабле.

– Вы сегодня милостиво настроены, инквизитор.

Глокта хмыкнул:

– Милостью был бы канал. Этот хряк не продержится на Севере и шести недель. Забудь о нем. Сегодня ночью нам предстоит арестовать Сеппа дан Тойфеля.

Секутор приподнял брови.

– Это не мастер-распорядитель монетного двора, случаем?

– Он самый. По чрезвычайному распоряжению его преосвященства архилектора Сульта. Похоже, он брал деньги у торговцев шелком.

– Ай-яй-яй, как не стыдно!

– Мы отправимся, как только стемнеет. Скажи Инею, чтобы был готов.

Худощавый практик кивнул, потрянув длинными волосами. Глокта повернулся и заковылял по коридору; его трость кляцала по замызганным плиткам пола, левая нога горела огнем.

«Зачем я делаю это? – снова и снова спрашивал он себя. – Для чего? Зачем?»

Никакого выбора

Логен проснулся и дернулся. Это неловкое движение наполнило тело болью. Он лежал в неудобной позе: шея вывернулась на чем-то твердом, колени подтянуты к груди. Логен приоткрыл припухшие глаза. Вокруг было темно, но откуда-то просачивался слабый отблеск – свет сквозь толщу снега.

Логен ощутил укол паники. Теперь он знал, где находится. Перед тем как забраться в эту крошечную пещеру, он сгреб ко входу побольше снега, чтобы удержать внутри тепло. А пока он спал, опять началась метель, и вход засыпало. Если снега навалило много – сугробы в рост человека, – то Логен никогда не выберется отсюда. Неужели он карабкался вверх из долины лишь для того, чтобы умереть в тесной дыре, где нельзя даже вытянуть ноги?

В отчаянии Логен принялся барахтаться в узком пространстве: разгребал сугроб онемевшими руками, двигался в снегу, сражался с ним, наносил яростные удары, бормотал под нос глухие проклятья. Свет хлынул в пещеру внезапно и пронзительно ярко. Логен отшвырнул последние комья снега и протиснулся наружу, на свежий воздух.

Небо было сверкающе-голубым, над головой пылало солнце. Логен поднял к нему лицо, закрыв слезящиеся глаза, и позволил свету омыть себя. Воздух в гортани был холодным до боли, он резал горло. Рот Логена пересох, словно туда набилась пыль, язык превратился в шершавый кусок дерева. Он зачерпнул пригоршню снега и затолкал в рот. Снег растаял, и Логен проглотил воду – такую холодную, что у него заболела голова.

Откуда-то несло кладбищенским зловонием, и это был не только его собственный запах, сам по себе достаточно мерзкий, – дух сырости и прокисшего пота. Смердело гниущее одеяло. Два его куска Логен обернул вокруг кистей и подвязал у запястий бечевкой наподобие варежек, а еще один намотал на голову, словно грязный вонючий башлык. Башмаки он туго набил лоскутами, а остатки ткани в несколько слоев накрутил на тело под курткой. Запах был отвратительный, но этой ночью одеяло спасло ему жизнь, и Логен считал, что дело того стоило. Вонь еще усилится, прежде чем он сможет позволить себе избавиться от лохмотьев.

Бултыхаясь в сугробе, Логен поднялся на ноги и осмотрелся вокруг. Узкую долину с крутыми склонами завалил снег. Ее окружали три могучие вершины – горы из темно-серого камня и белого снега на фоне синего неба. Он знал их. Можно сказать, это были его старые друзья, единственные, что у него остались: он наконец-то добрался до Высокогорья. Это крыша мира. Здесь надежное место.

– Надежное, – прохрипел он, но без особой радости.

Место, надежно защищенное от всего. От еды. И от тепла. Может, он и убежал от шанка, но здесь земля мертвецов, и если он останется в горах, то присоединится к ним.

Надо сказать, его мучил зверский голод. Желудок был словно большая дыра, наполненная болью и взывавшая к нему, издавая пронзительные вопли. Порывшись в мешке, Логен вытащил последнюю полоску мяса – старую, бурую, лоснящуюся, похожую на высохший сучок. Вряд ли она заполнит пустоту, но выбора не было. Логен разорвал зубами крепкое, как кожа старого сапога, мясо и затолкал его в глотку вместе с горстью снега.

Прикрыв глаза ладонью, Логен посмотрел вниз на север, в долину, откуда пришел днем раньше. В ту сторону почва медленно понижалась: снег и скалы уступали место поросшим сосной заболоченным горным долинам, леса сменялись бугристой полосой пастбищ, а

травянистые холмы выходили к морю – сверкающей ленте у далекого горизонта. Дом. При мысли об этом Логен почувствовал дурноту.

Дом. Там жила его семья. Отец – мудрый и сильный, хороший человек, хороший вождь для своего народа. Его жена, его дети. У Логена была прекрасная семья, и они заслуживали лучшего сына, лучшего мужа, лучшего отца. Его друзья тоже остались там – и старые, и новые. Как хотелось бы снова увидеть их всех! Побеседовать с отцом в длинном зале. Поиграть с детьми, посидеть с женой возле речки. Поговорить с Тридуба о тактике. Поохотиться с Ищейкой в горных долинах, проламываясь сквозь лес с копьём в руках и хохоча во все горло.

Логена мучительно потянуло домой, и он чуть не задохнулся от боли. Одна беда: все они умерли. Зал превратился в груды обгоревших бревен, речка – в канаву. Логен никогда не забудет, как поднялся на холм и увидел перед собой в долине дымящиеся руины. Как он ползал среди головешек, выискивая малейшие признаки того, что хоть кому-нибудь удалось спастись, а Ищейка тянул его за плечо и убеждал бросить эту затею. Ничего, кроме трупов, истлевших до неузнаваемости. Потом он перестал искать следы. Они все мертвы. Мертвы безвозвратно, ведь шанка всегда убивают наверняка. Он сплюнул в снег; слюна стала коричневой от вяленого мяса. Мертвые, холодные, разложившиеся трупы или обугленные головешки. Вернулись в грязь.

Логен скрипнул зубами и сжал кулаки, обмотанные гниющими лоскутами одеяла. Он мог бы в последний раз в одиночку вернуться к развалинам деревни на берегу моря. Мог бы ринуться вниз с боевым кличем в глотке, как делал это в Карлеоне, где потерял палец и прославил свое имя. Мог бы избавить мир от нескольких шанка. Разрубить их надвое, как разрубил Шаму Бессердечного – от плеча до брюха, так что кишки вывалились наружу. Мог бы отомстить за отца, за жену и детей, за друзей. Это подходящий конец для того, кого называли Девять Смертей. Умереть, убивая. Вот песня, достойная того, чтобы ее спеть.

Но в Карлеоне он был молодым и сильным, и его окружали друзья. Теперь же он слаб, голоден и настолько одинок, насколько это вообще возможно. Шаму Бессердечного он убил длинным мечом, острым как бритва. Логен взглянул на свой нож: хотя нож и неплох, с таким клинком мщение будет очень кратким. Да и кто споет об этом? Даже если шанка опознают его в вонючем оборванце, которого настигают стрелами, все равно – у них неважно со слухом, а с воображением и того хуже. Пожалуй, мщение подождет. По крайней мере, до тех пор, пока Логен не раздобудет клинок подлиннее. В конце концов, надо смотреть правде в глаза.

Значит, на Юг, странствовать. Для человека с его навыками дело везде найдется; может быть, тяжелое и грязное, но все-таки дело. В этом даже есть нечто привлекательное: ты отвечаешь лишь за себя самого, ни за кого ничего не решаешь, ничья жизнь или смерть не подвластны тебе. На Юге у Логена есть враги, безусловно. Но с врагами Девять Смертей встречался и прежде.

Он еще раз сплюнул. Когда во рту хватает слюны для плевка, это уже полдела. Значит, и с остальным как-нибудь справимся. Ведь больше у Логена ничего, почитай, и не было – лишь слюна, старый котелок да несколько вонючих лоскутов одеяла. Умереть на Севере или жить на Юге, вот к чему сводится выбор. То есть, на самом деле, нет никакого выбора.

Надо просто жить дальше. Так Логен поступал всегда. Это следующая цель сразу после того, как ты сумел избежать смерти, и не важно, заслуживаешь ты жизни или нет. Ты вспоминаешь своих мертвых, говоришь о них несколько добрых слов. А потом продолжаешь

жить и надеешься на лучшее.

Логен вдохнул большую порцию холодного воздуха и резко выдохнул.

– Прощайте, друзья, – пробормотал он.

Потом перебросил мешок через плечо, повернулся и начал пробираться сквозь глубокий снег. Вниз, на Юг, прочь от гор.

По-прежнему шел дождь – тихий дождь, который окутывал все вокруг холодной росой, оседал на ветвях, на листьях, на хвое и лился оттуда крупными каплями, просачивавшимися сквозь мокрую одежду Логена и струящимися по коже.

Логен притаился в сыром кустарнике, неподвижный и безмолвный; вода стекала по его лицу, по сверкавшему от влаги лезвию ножа. Он ощущал все движения леса, слышал все его голоса, тысячи звуков: возню тысяч насекомых, слепое копошение кротов, осторожные шаги оленей, медленное перетекание сока в стволах старых деревьев. Каждое живое существо искало пищу себе по вкусу, и Логен занимался тем же. Он сосредоточился на звере, настороженно пробиравшемся сквозь лес неподалеку, справа. Из него выйдет отличная еда. Лес затих, не считая бесконечного шелеста капель, срывавшихся с веток. Мир съежился, сократился до Логена и его будущей трапезы.

Сочтя, что добыча подошла достаточно близко, Логен прыгнул вперед и повалил зверя на сырую землю. Это оказался молодой олень. Животное лягалось и боролось, но Логен был сильным и быстрым. Он ударил зверя ножом в шею и перерезал ему горло. Горячая кровь струей хлынула из раны на руки охотника и мокрую землю.

Логен поднял тушу и закинул ее на плечи. Из этого мяса выйдет хорошая похлебка; быть может, удастся собрать немножко грибов. Отлично. А потом, после еды, Логен попросит указаний у духов. Эти указания, как правило, совершенно бесполезны, но подсказка духов не помешает.

Когда он добрался до лагеря, солнце уже клонилось к закату. Место для ночлега соответствовало могучему телосложению Логена: два больших шеста поддерживали навес из сырых веток над ямой в земле. Внутри было почти сухо, к тому же дождь прекратился. Сегодня вечером Логен разожжет костер. Очень давно он не позволял себе такой роскоши: настоящий костер – только для себя.

Логен поел и отдохнул, а потом набил трубку чаггой. Он нашел эти грибы несколько дней назад, они росли на древесном стволе возле самой земли – большие, пропитанные влагой желтые пластины. Логен тогда отломил себе здоровый кусок, но курить до сегодняшнего дня не мог – чагга была недостаточно сухой. Теперь он взял у костра горящий сучок, поднес его к трубке и принялся старательно втягивать воздух, пока гриб не затлел, испуская знакомый землисто-сладковатый аромат.

Логен закашлялся, выпустил струю бурого дыма и уставился в колышущиеся языки пламени. Его ум обратился вспять, к другим временам и другим кострам. Вот Ищейка: он ухмыляется, и свет поблескивает на его острых зубах. Напротив сидит Тул Дуру, огромный, как гора, и хохочущий, словно гром. Форли Слабейший тоже здесь, глаза его, как всегда, нервно бегают, он слегка напуган. И Рудда Тридуба, и Хардинг Молчун – он вечно молчал, поэтому его так и прозвали.

Все они явились сюда, но на самом деле их нет. Они мертвы, вернулись в грязь. Логен выбил трубку в костер и спрятал ее. Он потерял вкус к курению. Отец был прав: нельзя курить в одиночку.

Он отвинтил колпачок помятой фляги, набрал в рот жидкости и выдул ее в костер облачком мелких капель. Поток пламени взвился вверх, в холодный воздух. Логен обтер губы, наслаждаясь жгучим резким вкусом. Потом откинулся назад, опершись спиной на узловатый сосновый ствол, и стал ждать.

Они пришли не сразу. Их было трое. Они молча вышли из пляшущих теней среди деревьев и медленно двинулись к костру, обретая форму по мере того, как выходили на свет.

– Десятипалый, – произнес первый.

– Десятипалый, – сказал второй.

– Десятипалый, – заговорил третий.

Их голоса были подобны тысяче звуков леса.

– Приветствую вас у своего костра, – отозвался Логен. Духи присели на корточки и уставились на него без всякого выражения. – Сегодня вас только трое?

Тот, что сидел справа, ответил первым:

– Каждый год все меньше нас пробуждается после зимы. Сейчас остались одни мы. Пройдет еще несколько зим, и мы тоже не проснемся. Тогда никто не ответит на твой зов.

Логен печально кивнул и спросил:

– Есть новости из большого мира?

– Мы слышали о человеке, который упал с обрыва, но был вынесен на берег живым. После этого он пересек Высокогорье в самом начале весны, замотавшись лишь в гнилое одеяло. Но мы не верим слухам.

– Очень мудро.

– Бетод затевает войну, – сообщил дух, сидевший посередине.

Логен нахмурился:

– Бетод всегда затевает войну. Это его любимое занятие.

– Верно. С твоей помощью он выиграл столько битв, что пожаловал себе золотую шапку.

– Ну и черт с ним, с этой сволочью. – Логен сплюнул в костер. – Что еще?

– К северу от гор много шанка, они жгут все, что попадает на пути.

– Шанка любят огонь, – заметил дух посередине.

– Верно, – согласился тот, что сидел слева. – Любят его даже больше, чем любит твое племя, Десятипалый. Они и любят его, и страшатся. – Дух наклонился вперед. – Мы слышали, на пустошах к югу отсюда один человек ищет тебя.

– Могущественный человек, – сказал тот, что сидел в центре.

– Маг из древних времен, – добавил сидевший слева.

Логен нахмурился. Он слышал о магах. Однажды ему довелось встретиться с заклинателем, но того «волшебника» оказалось легко убить – он не обладал никакими чудесными способностями; во всяком случае, Логен их не заметил. Однако маг – это нечто иное.

– Мы слышали, что маги мудры и сильны, – проговорил дух, сидевший посередине, – и что они могут взять человека в далекое путешествие и показать ему множество вещей. Кроме того, они лукавы и у них свои цели.

– Чего он хочет?

– Спроси его сам.

Духов мало заботили дела людей, и они всегда были слабоваты в деталях. Но это лучше, чем обычная трепотня про деревья.

– Что ты собираешься делать, Десятипалый?

Логен с минуту думал.

– Пойду на Юг, разыщу того мага и спрошу его, чего он от меня хочет.

Духи кивнули. Нельзя было понять, считают они это хорошей идеей или плохой. Им было все равно.

– Что ж, прощай, Девятипалый, – произнес дух, сидевший справа. – Возможно, мы больше не увидимся.

– Да уж, попытаюсь справиться без вас.

Однако иронию Логена не оценили. Духи поднялись и двинулись прочь от костра, постепенно растворяясь в темноте. Вскоре они исчезли. Тем не менее Логен должен был признать, что они принесли больше пользы, чем он смел надеяться. Они показали ему цель.

Утром он отправится на Юг и разыщет мага. Кто знает, вдруг тот окажется хорошим собеседником? Во всяком случае, это лучше, чем пасть под вражескими стрелами, не получив ничего взамен. Логен глядел в огонь и тихо кивал сам себе.

Он вспоминал другие времена и другие костры, у которых он сидел не один.

Игра с ножами

В Адуе стоял восхитительный весенний день. Солнце сияло сквозь ветви ароматного кедра, отбрасывая пятнистую тень на игроков, что расположились внизу во дворе. То и дело налетал ласковый ветерок, так что карты приходилось крепко держать в руках или прижимать к столу бокалами и монетами. На деревьях щебетали птицы, а с дальнего конца лужайки доносилось шелканье ножниц садовника, отражавшееся тихим благозвучным эхом между высоких белых зданий. Радовала ли игроков куча монет в центре стола, зависело от того, какие карты имелись на руках у каждого.

Капитана Джезаль дан Луфара деньги, несомненно, радовали. С тех пор как его назначили в личную королевскую охрану, он открыл в себе исключительный талант в области карточной игры – талант, позволявший ему выигрывать крупные суммы. Капитан, конечно же, не нуждался в деньгах, поскольку его семья была богата. Однако карты помогали ему скрыть от родных свою расточительность, хотя он швырялся деньгами, как моряк. Дома отец донимал всех разговорами о том, как разумно Джезаль распоряжается своими средствами, а полгода назад старик купил ему в награду капитанский чин. Братья не слишком обрадовались этому... О да, деньги еще никому не мешали, и нет более приятной забавы, чем унижать своих близких.

Джезаль полулежал на скамье, вытянув одну ногу вперед, и скользил взглядом по лицам других игроков. Майор Вест наклонил свой стул так далеко назад, раскачивая его на двух ножках, что рисковал вот-вот рухнуть на землю. Он поднял к солнцу бокал, любуясь игрой света в янтарной жидкости. На его лице играла легкая загадочная улыбка, словно он думал: «Я не дворянин и, может быть, ниже вас по социальному положению, но я победил на турнире и добился милости короля на поле битвы. Значит, я лучший, а вы, детки, черт вас побери, делайте то, что я вам говорю». Впрочем, сегодня карта ему не шла. По мнению Джезаль, майор слишком осторожничал со ставками.

Лейтенант Каспа, наклонившись вперед, хмурился и теребил свою песочного цвета бородку; он пристально вглядывался в карты, будто решал сложную арифметическую задачу. Этот жизнерадостный молодой человек ничего не смыслил в игре и всегда был чрезвычайно благодарен Джезалю, когда тот покупал ему вышивку на его же собственные деньги. Однако Каспа вполне мог позволить себе проигрывать: отец лейтенанта был одним из крупнейших землевладельцев Союза.

Джезаль часто замечал, что глуповатые люди, очутившись в компании людей поумнее, начинают строить из себя ну совершенных тупиц. Поскольку высокое положение им не светит, они охотно занимают позицию симпатичных идиотов, которые ни с кем не спорят (в спорах они обречены на поражение) и поэтому становятся всеобщими друзьями. Сосредоточенное выражение лица Каспы как будто говорило: «Я не умен, но честен и мил, что гораздо более важно. Ведь люди переоценивают значение ума. А еще я очень, очень богат, так что меня все любят».

– Я, пожалуй, поддерживаю, – сказал наконец Каспа и кинул на стол столбик серебряных монет.

Деньги с веселым звоном рассыпались, сверкая на солнце. Джезаль рассеянно подвел в уме итог. Может, новый мундир? Каспа всегда начинал слегка дергаться, когда к нему приходила хорошая карта, а сейчас он был абсолютно спокоен. Вряд ли блефует; скорее всего,

ему просто надоело сидеть вне игры. Джебаль не сомневался, что Каспа сломается уже на следующем круге ставок.

Лейтенант Челенгорм насупился и швырнул карты на стол.

– У меня сегодня сплошное дерьмо! – прогремел он и откинулся на спинку стула, ссутулив могучие плечи.

Его хмурая мина означала: «Я силен и отважен, у меня пылкий нрав, поэтому все должны обходиться со мной почтительно». Однако именно почтения за карточным столом он так и не дождался. Пылкий нрав уместен в битве, а в денежных делах от него лишь неприятности. Если бы Челенгорм играл хоть немного лучше, Джебаль не выманил бы у него половину жалованья. Лейтенант одним глотком осушил бокал и снова потянулся к бутылке.

Значит, остается только Бринт, самый молодой и самый бедный в их компании. Он облизывал губы, и лицо его выглядело одновременно осторожным и отчаянным. Казалось, оно говорило: «Я не так уж молод и беден. Я могу позволить себе проиграть эти деньги. Я значу ничуть не меньше, чем вы все».

У него сегодня была куча монет – возможно, он как раз получил жалованье, и на эти деньги ему предстояло жить пару месяцев. Джебаль планировал отобрать у него серебро и потратить все без остатка на женщин и выпивку. При мысли об этом он с трудом удержался от смеха. Смеяться он будет, когда выиграет партию. Бринт откинулся назад, тщательно обдумывая ход. Ему нужно время, чтобы принять решение, и Джебаль взял со стола свою трубку.

Он прикурил от лампы, стоявшей здесь специально для этого, и выпустил несколько неровных колечек дыма вверх, в ветки кедра. Курение, к сожалению, давалось ему далеко не так легко, как игра в карты: кольца представляли собой безобразные клубы желтовато-бурого дыма. Если быть до конца честным, ему не нравилось курить – от трубки его начинало подташнивать. Однако это было весьма стильно и очень дорого, а Джебаль не мог упустить что-либо стильное только потому, что оно ему не нравится. В последний раз, когда он был в городе, отец купил ему замечательную трубку слоновой кости, чему братья Джебала тоже не очень-то обрадовались.

– Я в игре, – заявил Бринт.

Джебаль скинул ногу со скамьи.

– Тогда я поднимаю на сотню марок или что-то около того.

Он сдвинул весь свой выигрыш в центр стола. Вест втянул воздух через зубы. Одна монетка соскользнула с верхушки груды, приземлилась на ребро и покатилась по деревянной столешнице. Она упала на каменные плиты с безошибочно узнаваемым звуком падающих денег. Голова садовника на том конце лужайки инстинктивно дернулась вверх, но он тут же вернулся к траве, которую подстригал.

Каспа отпихнул от себя карты так, словно они жгли его пальцы, и покачал головой.

– Черт побери, все-таки в картах я сущий болван! – пожаловался он и откинулся назад, опершись спиной о шершавый темный ствол дерева.

Джебаль в упор смотрел на лейтенанта Бринта с легкой улыбкой, не выдававшей ничего.

– Он блефует, – проворчал Челенгорм. – Не позволяй ему надуть тебя, Бринт!

– Не делайте этого, лейтенант, – предупредил Вест.

Но Джебаль знал, что Бринт это сделает – ведь он хочет казаться человеком, который может позволить себе проиграть. Бринт не стал колебаться и небрежным эффектным жестом тоже сдвинул свои деньги в центр стола. Все прекрасно знали, что он не может позволить

себе проиграть.

– Здесь около сотни, немного больше или меньше.

Бринт очень старался говорить уверенно перед лицом старших офицеров, но в голосе его слышалась истерическая нотка.

– Пойдет, – сказал Джебаль, – ведь здесь все друзья. Итак, что у вас, лейтенант?

– У меня земля.

Глаза Бринта мерцали лихорадочным блеском, когда он открывал карты другим игрокам.

Джебаль наслаждался напряженностью момента. Он нахмурился, пожал плечами, поднял брови. Задумчиво почесал голову. Посмотрел на Бринта, выражение лица которого менялось в зависимости от мимики самого Джебала: надежда, отчаяние, надежда, отчаяние. Наконец выложил карты на стол.

– О, взгляните-ка! У меня снова солнца.

На Бринта было жалко смотреть. Вест вздохнул и покачал головой. Челенгорм сдвинул брови.

– Я и не сомневался, что он блефует, – проворчал он.

– Как ему это удастся? – спросил Каспа, щелчком посылая откатившуюся в сторону монетку через стол. Джебаль пожал плечами.

– Надо уметь играть, сами карты ничего не значат.

Он принялся сгребать со стола кучу серебра. Бринт смотрел на него, стиснув зубы, с побледневшим лицом. Деньги сыпались в кошель с приятным звоном – приятным для Джебала, во всяком случае. Одна из монет упала со стола рядом с сапогом Бринта.

– Не могли бы вы передать ее мне, лейтенант? – спросил Джебаль, сладко улыбаясь.

Бринт резко поднялся, задев стол. Монеты и бокалы подпрыгнули и задребезжали.

– У меня много дел, – невнятно проговорил он и протиснулся мимо Джебала, толкнув его так, что тот отлетел к стволу дерева. С поникшей головой Бринт прошагал в дальний конец двора и скрылся в офицерских казармах.

– Нет, вы видели это? – Негодование Джебала возрастало с каждой секундой. – Видели, как он меня толкнул? Черт возьми, это очень грубо! А ведь я к тому же старше его по званию! Я всерьез подумываю написать на него рапорт. – Упоминание о рапорте встретило хор неодобрительных возгласов. – Ну, как бы то ни было, он не умеет проигрывать.

Челенгорм сурово взглянул на него из-под бровей.

– Ты не должен был так зло шутить над ним. Он небогат и не может позволить себе проигрывать.

– Ну, если он не может позволить себе проигрывать, не надо играть! – отрезал Джебаль, выведенный из себя. – Кто ему сказал, что я блефую? Ты мог бы держать свой большой рот на замке.

– Он новенький, – поддержал Вест. – Не хочет отставать от всех. Разве вы сами не были новичком?

– А вы что, мой отец?

Джебаль вспоминал о том времени, когда сам был новичком, с болезненной остротой, и сейчас упоминание об этом вызвало у него чувство стыда. Каспа взмахнул рукой:

– Я одолжу ему немного денег, не стоит так волноваться.

– Он не возьмет, – возразил Челенгорм.

– Ну это уж его дело. – Каспа закрыл глаза и подставил лицо солнцу. – Жарко. Зима действительно закончилась. Должно быть, уже за полдень.

– Черт! – вскричал Джезаль, вскакивая и собирая свои вещи. Садовник перестал стричь траву и посмотрел в их сторону. – Почему вы мне ничего не сказали, Вест?

– А я что, ваш отец? – отозвался майор.

Каспа хихикнул.

– Опять опоздал, – сказал Челенгорм, надувая щеки. – Лорд-маршал будет недоволен!

Джезаль подхватил свои рапиры для фехтования и бросился бежать к дальнему концу лужайки. Майор Вест не спеша шел за ним.

– Пойдемте же! – крикнул Джезаль.

– Я иду, капитан, – откликнулся тот. – Следом за вами.

– Выпад! Выпад, Джезаль, выпад! – гаркнул лорд-маршал Варуз, хлестнув капитана по руке своей тростью.

– Оу! – взвизгнул Джезаль, вновь поднимая металлический брус.

– Я хочу видеть, что ваша правая рука работает, капитан! Что она бросается вперед, словно змея! Я хочу, чтобы ваши руки ослепили меня своей скоростью!

Джезаль проделал пару неуклюжих тычков неподъемным куском железа. Это было мучительно. Пальцы, запястье, предплечье, плечо горели от напряжения, он взмок, пот катился с его лица крупными каплями. Маршал Варуз без усилий отражал его жалкие потуги.

– А теперь удар! Слева!

Джезаль изо всех сил замахнулся большим кузнечным молотом, который держал в левой руке, целя старику в голову. Капитан с трудом мог поднять эту чертову штуковину, даже будь он в наилучшей физической форме. Маршал Варуз легко отступил в сторону и хлестнул его тростью по лицу.

– Ау! – взвыл Джезаль, пятясь назад. Он выронил молот, и тот упал ему на ногу. – А-а!

Железный брус с грохотом полетел на пол; Джезаль согнулся к горящим болью пальцам ног, но тут же ощутил резкую боль в ягодицах – это Варуз огрел его тростью с резким щелчком, раскатившимся по двору, – и распластался на земле лицом вниз.

– Жалкое зрелище! – вскричал старик. – Вы позорите меня перед майором Вестом!

Майор сидел, откинувшись назад вместе со стулом и трясясь от приглушенного хохота. Джезаль уставился на безупречно отполированные сапоги маршала, не ощущая никакого желания встать.

– Поднимайтесь, капитан Луфар! – крикнул Варуз. – Если не ваше, то мое время дорого!

– Хорошо, хорошо!

Джезаль с трудом поднялся на ноги и выпрямился под жарким солнцем. Насквозь пропотевший, он пошатывался и хватал ртом воздух. Варуз подошел к нему вплотную и принялся к его дыханию.

– Вы что, выпивали сегодня? – требовательно спросил он, топорща седые усы. – И вчера вечером тоже, без сомнения!

Джезаль не отвечал.

– Черт вас побери! У нас много работы, капитан Луфар, и я не могу делать ее в одиночку! До турнира осталось четыре месяца. Четыре месяца на то, чтобы сделать из вас хорошего фехтовальщика.

Варуз ждал ответа, а Джезаль никак не мог ничего придумать. На самом деле он занимался этим только для того, чтобы угодить отцу. Однако вряд ли старый солдат обрадовался бы такому объяснению, а сам Джезаль предпочел бы обойтись без еще одного

удара.

– Ну! – гаркнул ему в лицо Варуз и отвернулся, обеими руками крепко сжимая тросточку за спиной.

– Послушайте, мар... – начал Джезаль, но прежде чем он произнес слово, старый солдат развернулся и ткнул его прямо в живот. Джезаль выдохнул и упал на колени.

Варуз подошел и встал над ним.

– Вам предстоит совершить для меня небольшую пробежку, капитан.

– А-а-а...

– Предстоит пробежаться отсюда до Цепной башни. И бегом подняться наверх, до парашюта. Мы узнаем, когда вы придете туда, поскольку мы с майором в это время будем наслаждаться приятной игрой в квадраты здесь, на крыше, – он показал на шестизэтажное здание позади себя, – откуда открывается превосходный вид на верхушку башни. Я смогу наблюдать за вами при помощи моей подзорной трубы, так что на сей раз никакого мошенничества! – И он хлестнул Джезаль по макушке.

– О! – вскрикнул Джезаль, потирая голову.

– Показавшись нам на крыше, вы побежите обратно. Вы будете бежать так быстро, как только можете. И вы действительно постараетесь, потому что, если вы не успеете вернуться к концу нашей игры, то побежите снова. – Джезаль вздрогнул. – Майор Вест превосходно играет в квадраты, так что мне потребуется около получаса, чтобы побить его. Я предлагаю вам выдвигаться в путь немедленно.

Джезаль, шатаясь, поднялся и припустил рысцой к арке в дальнем конце двора, бормоча проклятия.

– Такой скорости недостаточно, капитан! – крикнул вслед ему Варуз.

Ноги Джезаль были словно налиты свинцом, но он заставлял их двигаться.

– Выше колени! – весело подбодрил его майор Вест.

Джезаль протопал по проходу мимо ухмыляющегося привратника у двери и выбежал на широкий проспект. Прорысил мимо увитых плющом стен Университета, тяжело дыша и вполголоса проклиная Варуза и Веста, миновал здание Допросного дома – почти без окон, с накрепко запертой массивной парадной дверью. Ему встретилось несколько некрасивых служащих, спешивших по своим делам. В это вечернее время в Агрионте было тихо, и Джезаль не увидел никого достойного внимания, пока не добрался до парка.

Три блестящие молодые дамы сидели возле озера в тени раскидистой ивы; их сопровождала пожилая дуэнья. Джезаль незамедлительно прибавил шага, заменив мученическое выражение лица на беззаботную улыбку.

– Дамы! – приветствовал он их, проносясь мимо. Он услышал, как они пересмеиваются за его спиной, и молча поздравил себя, но, оказавшись вне поля их зрения, сразу сбросил скорость как минимум наполовину.

«Черт с ним, с Варузом», – сказал он себе, замедляя темп почти до ходьбы на повороте в аллею Королей, но тут же был вынужден снова прибавить скорость: в двадцати шагах от него стоял кронпринц Ладислав со своей многочисленной пестро разодетой свитой.

– А, капитан Луфар! – вскричал его высочество, сверкая великим множеством безобразных золотых пуговиц. – Бегите, бегите изо всех сил! Я поспорил на тысячу марок, что вы выиграете турнир!

Джезаль знал из надежных источников, что принц поставил две тысячи марок на Бремера дан Горста. Тем не менее капитан поклонился так низко, насколько это возможно на

бегу. Сопровождавшие принца хлыщи и щеголи разразились вялыми подбадривающими криками ему вслед.

– Ничтожные болваны! – прошипел Джебаль себе под нос, хотя был бы не прочь стать одним из них.

Он миновал огромные каменные изваяния правивших четыреста лет высоких королей и статуи их верных сподвижников, размером поменьше. Перед поворотом на площадь Маршалов он пробежал мимо статуи великого мага Байяза. Джебаль кивнул ему, но волшебник продолжал хмуриться столь же неодобрительно, как и всегда. Величественное изваяние внушало благоговейный трепет, и этот эффект лишь чуть-чуть умалялся при виде белых следов голубинового помета на каменной щеке мага.

Поскольку открытый совет в это время заседал, площадь была почти пуста, и Джебаль получил возможность не спеша пройти до ворот Палаты военной славы. Коренастый сержант кивнул ему, и капитан подумал, не из его ли роты этот солдат – но ведь нижние чины все на одно лицо. Не ответив на приветствие, Джебаль побежал дальше между высокими белыми зданиями.

– Ну прекрасно! – пробормотал он, когда увидел, что возле дверей Цепной башни сидят Челенгорм и Каспа.

Они курили трубки и пересмеивались. Эти гады, должно быть, догадались, что он побежит сюда.

– За честь и славу! – провозгласил Каспа, гремя мечом в ножнах, в то время как Джебаль пробегал мимо. – Не заставляй лорд-маршала ждать! – крикнул он вслед, и ему вторил восторженный рев здоровяка Челенгорма.

– Чертовы идиоты, – пропыхтел Джебаль, распахивая плечом тяжелую дверь.

Хрипло дыша от напряжения, он стал взбираться по крутой спиральной лестнице. Это была одна из самых высоких башен в Агрионте, и подняться ему предстояло на двести девяносто одну ступеньку.

«Проклятая лестница!» – ругался Джебаль про себя.

Когда он добрался до сотой ступени, его ноги горели, а грудь тяжело вздымалась. На двухсотую он поднимался едва живой. Остальную часть пути он прошел шагом, и каждый шаг был мучением. Наконец через башенку он выбрался на крышу и оперся на парапет, моргая на неожиданно ярком солнце.

Внизу, к югу от него, расстилался город – бесконечный ковер белых домов, простирающийся до самого сверкающего залива. В противоположном направлении открывался вид на Агрионт, еще более впечатляющий: огромное скопище величественных зданий, громоздившихся друг на друга, перемежалось зелеными лужайками и большими деревьями. Их окружал широкий ров и высокая стена, усеянная сотней горделивых башен. Аллея Королей прорезала его центр и вела к Кругу лордов со сверкающим на солнце бронзовым куполом. Позади возвышались стройные шпили Университета, а за ними маячила зловещая громада Дома Делателя. Подобно черной горе, она высоко возносилась над остальными зданиями и отбрасывала на них длинную тень.

Джезалю показалось, что он увидел на расстоянии отблеск подзорной трубы маршала Варуза. Он снова выругался и повернулся к лестнице.

Джебаль почувствовал огромное облегчение, когда наконец добрался до крыши и увидел, что на доске еще остается несколько белых фигур.

Заметив его, маршал Варуз нахмурился.

– Вам очень повезло: майор Вест разыграл исключительно сложную партию. – Лицо Веста прорезала широкая улыбка. – Должно быть, вам уже удалось заслужить его уважение. Но мое вам только предстоит завоевать.

Джезаль наклонился вперед, упершись ладонями в колени. Он тяжело дышал, с него капал пот. Варуз поднял со стола длинный футляр и раскрыл его перед Джезалем.

– Покажите нам позиции.

Капитан взял короткий клинок в левую руку, а длинный – в правую. После тяжелого железа они казались легкими как перышки. Маршал Варуз отступил на шаг назад и скомандовал:

– Начинайте.

Одним рывком Джезаль встал в первую позицию: правая рука вытянута вперед, левая прижата к телу. Клинки со свистом рассекали воздух, сверкая на вечернем солнце, пока Джезаль переходил от одной позиции к другой с отработанной плавностью. Потом он замер, опустив оружие. Варуз кивнул:

– У капитана быстрые руки, вы не находите?

– Превосходно, – сказал майор Вест, широко улыбаясь. – Черт побери, это гораздо лучше, чем когда-либо получалось у меня!

Однако лорд-маршал был не столь высокого мнения.

– Вы слишком сильно сгибаете колени в третьей позиции, а в четвертой вам нужно постараться дальше вытягивать левую руку. Не считая этого... – Он помолчал. – Что ж, вполне сносно.

Джезаль вздохнул с облегчением. Это была очень высокая оценка.

– Ха! – выкрикнул вдруг старик, ткнув его в ребра концом футляра. Джезаль рухнул на пол, едва способный дышать. – А вот ваши рефлексy, капитан, еще нуждаются в отработке. Вы всегда должны быть наготове. Всегда! Если у вас в руке клинки, вы должны держать их поднятыми, черт возьми!

– Да, сэръ, – прохрипел Джезаль.

– А ваша выносливость – это просто позор. Посмотрите на себя – вы же весь мокрый, словно карп! Я знаю из надежных источников, что Бремер дан Горст пробегает по десять миль в день и после этого на нем нет ни капли пота! – Маршал Варуз наклонился над Джезалем. – С этого дня вы будете ежедневно проделывать то же самое. О да! Пробежка вокруг стены Агрионта каждое утро в шесть часов, после чего час спарринга с майором Вестом, любезно согласившимся выступить в роли вашего партнера. Уверен, он сможет выявить все маленькие недостатки вашей техники.

Джезаль поморщился, потирая ноющие ребра.

– Что касается кутежей, я требую положить этому конец. Я весьма одобряю веселье в надлежащем месте, но для праздников хватит времени и после турнира. Конечно, если вы будете трудиться достаточно усердно, чтобы победить. А до тех пор здоровый образ жизни – вот то, что нам необходимо! Вы поняли меня, капитан Луфар? – Он наклонился еще дальше вперед, выговаривая каждое слово с величайшей тщательностью. – Здоровый. Образ. Жизни.

– Да, маршал Варуз, – пробормотал Джезаль.

Шесть часов спустя он был пьян в стельку. С безумным хохотом, с кружащейся головой он вывалился на улицу. Холодный воздух с силой ударил его в лицо, гадкие домишки плыли и

качались, плохо освещенная дорога кренилась, словно тонущий корабль. Мужественно поборов приступ тошноты, Джезаль сделал широкий шаг наружу и обернулся лицом к двери. Его окатил расплывчатый яркий свет, громкий смех и крики. Из таверны вылетело чье-то тело, врезавшись в его грудь. Джезаль отчаянно ухватился за него и с сокрушительным грохотом рухнул на землю.

На какое-то мгновение мир потемнел. Затем Джезаль обнаружил, что лежит в грязи, а поверх него барахтается Каспа.

– Проклятье! – прохрипел Джезаль, еле ворочая распухшим неповоротливым языком.

Отпихнув локтем хихикающего лейтенанта, он перекатился на живот и рывком встал, пошатываясь; улица раскачивалась взад и вперед, словно маятник. Каспа лежал на спине в грязи, захлебываясь от смеха, от него несло дешевым пойлом и кислым дымом. Джезаль предпринял неловкую попытку стряхнуть грязь со своего мундира. На груди расплывалось большое мокрое пятно, пахнущее пивом.

– Проклятье! – снова пробормотал он. Когда это он успел?

С другой стороны улицы доносились крики. Два человека сцепились в дверном проеме. Джезаль прищурился, напрягая зрение в полутьме. Какой-то верзила схватил другого, хорошо одетого парня и, судя по всему, пытался связать тому руки за спиной. Теперь он нахлобучивал парню на голову что-то вроде мешка. Джезаль моргнул, не веря глазам. Здесь не самый спокойный квартал, но это, пожалуй, чересчур.

Дверь таверны с грохотом распахнулась, и из нее показались Вест с Челенгормом, занятые пьяной беседой насчет чьей-то сестры. Яркий свет прорезал улицу, отчетливо осветив двух борющихся людей. Верзила был одет в черное, нижнюю часть его лица скрывала маска. У него были белые волосы, белые брови, белая как молоко кожа. Джезаль уставился на белого дьявола на той стороне улицы, и тот ответил пристальным взглядом прищуренных розовых глаз.

– На помощь! – кричал человек с мешком на голове. Его голос вибрировал от ужаса. – На помощь! Я...

Белый верзила наградил его свирепым ударом под дых, и тот с тяжелым вздохом сложился пополам.

– Эй, ты! – крикнул Вест.

Челенгорм уже спешил через дорогу.

– Ч-что? – выговорил Каспа, приподнимаясь на локте.

Мозги Джезали были вязкими, словно комок грязи, но его ноги сами последовали за Челенгормом, и ему ничего не оставалось, как брести вперед, борясь с дурнотой. Вест следовал за ним по пятам. Белый призрак распрямился и повернулся, встав между ними и своим пленником. Откуда-то из тени проворно вынырнул еще один человек, высокий и стройный, тоже в черных одеждах и маске, но с длинными сальными волосами. Он вскинул руку в черной перчатке.

– Господа! – Его невнятный простонародный выговор был заглушен маской. – Господа, прошу вас, мы здесь по делу короля!

– Король делает свои дела при свете дня! – прорычал Челенгорм.

Маска новоприбывшего немного наморщилась, когда тот улыбнулся.

– Именно поэтому ночную работу за него делаем мы. Правда, друг?

– Кто этот человек? – Вест показал на парня с мешком на голове.

Тот снова зашевелился.

– Я Сепп дан... о-о!

Белый монстр утихомирил его, врезав тяжелым кулаком в лицо. Пленник без чувств рухнул на дорогу.

Челенгорм, стиснув зубы, положил руку на эфес шпаги, и белый призрак с ужасающей скоростью надвинулся на него. Вблизи он был еще более массивным, странным и пугающим. Челенгорм невольно отступил на шаг назад, запнулся о камень мостовой и с грохотом повалился на спину. В голове у Джекзала стучали молоты.

– Назад! – проревел Вест.

Его шпага вылетела из ножен с легким звоном.

– Ф-ф-ф! – зашипел монстр, сжимая кулаки, которые походили два огромных белых булыжника.

– О-о, – простонал человек с мешком на голове.

Сердце Джекзала подскочило к самому горлу. Он посмотрел на худощавого в маске, и глаза того улыбнулись в ответ. Как можно улыбаться в такой момент? Джекзаль с удивлением обнаружил, что человек держит в руке длинный нож весьма зловещего вида. Откуда он взялся? Джекзаль пьяно зашарил рукой в поисках своей шпаги.

– Майор Вест! – раздался голос из уличной тьмы, совсем рядом.

Джекзаль неуверенно остановился с наполовину вынутым из ножен клинком. Челенгорм поднялся на ноги, вытаскивая шпагу. Его мундир был покрыт грязью. Белый монстр смотрел на них, не мигая: он не отступил ни на пядь.

– Майор Вест! – повторил голос. Теперь его сопровождал какой-то клацающий, шаркающий звук.

Лицо Веста побледнело. Из темноты показалась фигура, отчаянно хромящая и стучащая тростью по грязной мостовой. Верхнюю часть лица закрывала тень широкополой шляпы, но рот оставался на виду, искривленный странной усмешкой. Джекзаль заметил, что у хромого не хватает четырех передних зубов, и почувствовал подступающую тошноту. Человек прошаркал к ним, не обращая внимания на обнаженные клинки, и протянул Весту свободную руку.

Майор медленно убрал шпагу в ножны, взял руку и слабо пожал.

– Полковник Глокта? – спросил он осипшим голосом.

– Ваш покорный слуга, хотя я больше не служу в армии. Я теперь в королевской инквизиции.

Он медленно поднял руку и снял шляпу. Его мертвенно-бледное лицо избородили глубокие морщины, седые волосы были коротко острижены. Окруженные глубокими темными кругами глаза полыхали лихорадочным огнем; левый был заметно уже правого и влажно поблескивал вывернутым красным веком.

– Позвольте представить вам моих помощников: практик Секутор и практик Иней.

Долговязый отвесил шутовской поклон. Белый монстр одной рукой вздернул пленника на ноги.

– Погодите-ка, – сказал Челенгорм, делая шаг вперед, но инквизитор мягко положил ладонь на его рукав.

– Этот человек находится под следствием инквизиции его величества, лейтенант Челенгорм. – Тот остановился, удивленный тем, что его назвали по имени. – Я понимаю, вами движут самые лучшие побуждения, но он преступник, изменник. У меня есть ордер на его арест, подписанный лично архилектором Сультом. Поверьте мне, он совершенно

недостойн вашей поддержки.

Челенгорм нахмурился и с ненавистью глянул на практика Инея. На белого дьявола это не произвело никакого впечатления, как на каменную статую. Он без видимого усилия взвалил пленника на плечо, повернулся и зашагал вдоль по улице. Тот, кого звали Секутором, улыбнулся глазами, спрятал свой нож, еще раз поклонился и неспешно последовал за товарищем, что-то насвистывая.

Левое веко инквизитора затрепетало, и по бледной щеке покатались слезы. Он бережно вытер их тыльной стороной ладони.

– Прошу меня простить. В самом деле, надо же до такого дойти, чтобы человек не мог контролировать собственные глаза, а? Проклятый слезливый студень. Иногда я думаю: не лучше ли просто вырвать собственный глаз и впредь обходиться повязкой?

Джезаль чуть не вывернуло от этих слов.

– Ну, Вест, – продолжал инквизитор, – сколько лет прошло? Семь? Восемь?

По скуле майора перекатился желвак.

– Девять.

– Подумать только. Девять лет. Можно ли поверить? А кажется, все было только вчера. Где мы с вами расстались, на хребте?

– Да, на хребте.

– Не беспокойтесь, Вест, я несколько вас не виню. – Глокта дружески похлопал майора по руке. – По крайней мере, за это. Вы пытались отговорить меня, я помню. В конце концов, я имел достаточно времени, чтобы поразмыслить над этим в Гуркхуле. Очень много времени. Вы всегда были мне добрым другом. И вот теперь молодой Коллем Вест – майор личной королевской охраны, подумать только.

Джезаль понятия не имел, о чем они говорят. Он хотел лишь проблеветаться и отправиться спать.

Инквизитор Глокта с улыбкой повернулся к нему, снова демонстрируя омерзительную дыру в передних зубах.

– А это, должно быть, капитан Луфар, на которого возлагают такие надежды на предстоящем турнире? Маршал Варуз – строгий учитель, не так ли? – Он слабо взмахнул тростью в сторону Джезали. – Выпад, выпад, а, капитан? Выпад, выпад...

Джезаль почувствовал, как у него внутри вздымается желчь. Он закашлялся и посмотрел себе под ноги, отчаянно желая, чтобы мир оставался неподвижным. Инквизитор обвел всех выжидающим взглядом: Вест был бледен, перепачканный грязью Челенгорм угрюмо молчал, Каспа по-прежнему сидел на мостовой посреди улицы. Ни у кого из них не нашлось слов.

Глокта прочистил горло.

– Ну что же, служба зовет. – Он неловко поклонился. – Однако надеюсь, что мы еще встретимся. И весьма скоро.

Сам Джезаль очень надеялся никогда больше не видеть этого человека.

– Может быть, снова пофехтуем при случае? – пробормотал майор Вест.

Глокта издал добродушный смешок.

– Я бы с удовольствием, Вест, да только в последнее время я немного прихрамываю. Но если вам так хочется подраться, практик Иней сможет оказать вам любезность. – Он перевел взгляд на Челенгорма. – Однако предупреждаю: он дерется не так, как благородные господа. Желаю вам всем приятного вечера.

Он надел свою шляпу, медленно развернулся и заковылял прочь по грязной улице.

Офицеры смотрели ему вслед в долгом неловком молчании. Наконец Каспа, запинаясь, спросил:

– Что все это значило?

– Ничего, – отозвался Вест сквозь сжатые зубы. – Нам лучше забыть о том, что здесь что-то произошло.

Зубы и пальцы

– Времени мало. Мы должны работать быстро.

Глокта кивнул Секутору. Тот улыбнулся и стащил мешок с головы Сеппа дан Тойфеля.

Мастер-распорядитель монетного двора был сильным мужчиной внушительного вида. На его лице уже проступали кровоподтеки.

– Что все это значит? – заревел он, пытаясь изобразить благородное негодование. – Да вы знаете, кто я такой?

Глокта фыркнул:

– Разумеется, мы знаем, кто вы такой. Неужели вы думаете, что мы имеем привычку хватать на улицах всех без разбора?

– Я мастер-распорядитель королевского монетного двора! – вопил пленник, пытаясь сбросить путы. Практик Иней бесстрастно взирал на него со сложенными на груди руками. Железные инструменты уже лежали в жаровне, светясь оранжевым сиянием. – Да как вы смеете...

– Я не могу говорить, когда меня постоянно перебивают! – закричал Глокта. Иней свирепо пнул Тойфеля в голень, и тот взвыл от боли. – Как заключенный подпишет лист с признанием, если у него связаны руки? Немедленно развяжите его!

Пока альбинос развязывал запястья пленника, Тойфель тревожно озирался по сторонам. Потом он увидел топорик. Отполированный металл сверкал в ярком свете светильников, словно зеркало.

«До чего прекрасная вещь. Тебе хотелось бы держать его в руках, не правда ли, Тойфель? Ручаюсь, ты был бы не прочь отрубить им мою голову», – думал Глокта.

Он почти надеялся на это – правая рука пленника, казалось, была готова потянуться к оружию, но Тойфель всего лишь отпихнул лист с текстом признания.

– Ага, – проговорил Глокта. – Мастер-распорядитель у нас, как я вижу, правша.

– Мастер-распорядитель у нас правша, – прошептал Секутор на ухо пленнику.

Тойфель поглядел через стол сузившимися глазами.

– Я вас знаю! Вы Глокта, не так ли? Тот самый, которого взяли в плен в Гуркхуле и потом пытали. Занд дан Глокта, верно? Так вот, могу вам сказать, что на сей раз вы совершили глупость! Большую глупость! Когда об этом услышит верховный судья Маровия...

Глокта вскочил на ноги и отпихнул назад стул, заскрежетавший по плиткам. Его левая нога взорвалась болью, но он не обратил на нее никакого внимания.

– Посмотри-ка на это! – прошипел он, широко раскрывая рот, чтобы испуганный пленник мог как следует взглянуть на его зубы. Или на то, что от них осталось. – Ты видишь это? Видишь? Там, где они выкрошили зубы сверху, снизу они их оставили. А там, где уничтожили снизу, оставили сверху, и так по всей челюсти. Видишь? – Глокта растянул пальцами углы рта, давая Тойфелю хорошенько рассмотреть то, о чем он говорил. – Это делали с помощью крошечного зубила. По маленькому кусочку каждый день. Это длилось несколько месяцев! – Глокта с трудом сел обратно на стул и широко улыбнулся. – Превосходная работа, а? И какая ирония! Оставить человеку половину зубов, но так, чтобы ни от одного из них не было толку! Я ем исключительно суп.

Мастер-распорядитель гулко сплотнул. Глокта увидел каплю пота, сбегающую по его шее.

– И зубы были только началом. Представляешь, мне приходится мочиться сидя, словно я женщина. Мне тридцать пять лет, однако я не могу встать с постели без посторонней помощи! – Он снова откинулся на спинку стула и вытянул ногу, болезненно поморщившись. – Каждый день для меня – это ад. Каждый божий день! Так неужели ты всерьез веришь, что способен сказать что-то такое, что меня испугает?

Глокта рассматривал пленника, выдерживая паузу.

«Половины былой самоуверенности как не бывало».

– Подпиши признание, – прошептал он. – Тогда мы сможем посадить тебя на корабль до Инглии, и у нас еще останется время, чтобы поспать этой ночью.

Лицо Тойфеля стало почти таким же белым, как у практика Инея, однако он продолжал молчать.

«Скоро архилектор будет здесь. Может быть, уже идет. Если к тому времени, как он появится, у меня не будет признания... тогда мы все отправимся в Инглию. В лучшем случае».

Глокта ухватился за свою трость и поднялся на ноги.

– Мне нравится считать себя мастером, однако мастерство требует времени, а мы уже и так потеряли половину ночи, пока разыскивали тебя по городским борделям. Хорошо еще, что практик Иней наделен тонким обонянием и великолепным чувством направления. Он способен найти по запаху крысу, спрятавшуюся в сортире.

– Крысу, спрятавшуюся в сортире! – эхом повторил Секутор, в чьих глазах отражалось яркое оранжевое сияние жаровни.

– У нас очень плотный график, так что позволь мне говорить напрямую. Через десять минут ты подпишешь признание.

Тойфель фыркнул и скрестил руки.

– Никогда!

– Подержите его.

Иней сграбастал Тойфеля сзади, сдавив его, словно в тисках, так что правая рука пленника оказалась прижата к боку. Секутор завладел его левым запястьем и растопырил пальцы Тойфеля на изрубленной столешнице. Глокта обхватил рукой гладкую рукоятку топорика и медленно потянул к себе, царапая острием дерево. Он рассматривал лежавшую перед ним руку.

«Какие у него замечательные ногти. Такие длинные и глянцевитые. С такими ногтями будет трудно работать в шахте».

Глокта высоко занес топорик.

– Подождите! – завопил пленник.

Бам! Тяжелое острие глубоко вонзилось в столешницу, аккуратно срезав ноготь с Тойфелева среднего пальца. Тот учащенно дышал, на его лбу выступила испарина.

«Теперь мы посмотрим, что ты в действительности собой представляешь».

– Полагаю, ты уже догадался, к чему я клоню, – сказал Глокта. – Ты знаешь, такую же штуку проделали с одним капралом, которого взяли в плен вместе со мной. От него отрубали по кусочку в день. Он был крепкий человек, очень крепкий. Они добрались выше локтя к тому времени, как он умер. – Глокта снова поднял топорик. – Сознайся.

– Вы не можете...

Бам! Топорик отхватил самый кончик среднего пальца. Кровь хлынула на столешницу. Глаза Секутора улыбались в свете светильников. Рот Тойфеля раскрылся.

«Однако боль придет не сразу».

– Сознайся! – проревел Глокта.

Бам! Топорик отсек кончик Тойфелева безымянного пальца вместе с тонким кружочком среднего, который прокатился по столу и упал на пол. Лицо Инея казалось изваянным из мрамора.

– Сознайся!

Бам! Кончик указательного пальца пленника взлетел в воздух. Его средний палец уже укоротился до первого сустава. Глокта помедлил, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Его нога пульсировала от напряжения. Кровь капала на плитку мерным «кап-кап-кап». Тойфель расширенными глазами смотрел на свои укоротившиеся пальцы. Секутор покачал головой.

– Превосходная работа, инквизитор! – Он щелчком отправил один из отрубленных кружков плоти через весь стол. – Такая точность... Я в восхищении.

– А-а-а! – завопил мастер-распорядитель монетного двора.

«Вот теперь до него дошло».

Глокта снова занес топорик.

– Я сознаюсь! – завизжал Тойфель. – Я сознаюсь!

– Ну и прекрасно, – спокойно произнес Глокта.

– Прекрасно, – повторил Секутор.

– Пвекрафно, – сказал практик Иней.

Просторный и пустынный Север

Маги – это древний и загадочный орден посвященных в тайны мира, искушенных в путях волшебства. Маги обладают мудростью и могуществом, о каких простые люди даже не смеют мечтать. Так гласит молва. Казалось бы, член подобного ордена найдет способ отыскать нужного ему человека, даже если человек тот блуждает в одиночестве по просторному и пустынному Северу. Но если таковой способ и был, маг явно не торопился.

Логен поскреб спутанную бороду, размышляя над тем, что могло задержать великого. Может, заблудился? Логен снова и снова спрашивал себя, не лучше ли было оставаться в лесах, где по крайней мере хватало еды. Но духи велели идти к югу, а на юг от холмов лежали эти поблекшие пустоши. Вот он и ждал здесь, в вересковых зарослях, в грязи, измученный капризами погоды и постоянно голодный.

Его сапоги совсем износились, и он разбил свой маленький лагерь недалеко от дороги, чтобы случайно не пропустить чародея. Со времен войны Север был полон всякого опасного отребья – дезертировавших солдат, подавшихся в разбойники крестьян или просто безземельных и отчаявшихся людей, которым нечего было терять. Логен, однако, о разбойниках не думал. Ни у кого из них нет причин тащиться в эту дыру в заднице мира. Ни у кого, кроме самого Логена и неизвестного мага.

Поэтому Логен сидел и ждал, потом искал себе еду, ничего не находил, садился и опять ждал. В это время года пустоши промокали насквозь под внезапными ливнями. При каждой возможности Логен разводил дымные маленькие костерки, чтобы поддержать своих слабеющих духов и привлечь внимание любого волшебника, кому случится проходить мимо. Этим вечером шел дождь, но некоторое время назад он прекратился, и стало достаточно сухо для разжигания огня. Котелок уже стоял на огне, и в нем варилась похлебка из последних кусков мяса, принесенных из леса. Утром придется идти дальше и искать пищу. Маг может нагнать его и попозже, если еще не бросил эту затею.

Логен помешивал скудное варево и гадал, направиться ему завтра обратно на север или дальше к югу, когда услышал на дороге топот копыт. Одна лошадь, скачет медленно. Логен выпрямился, сидя на своей куртке, и подождал еще. Послышалось ржание, звякнула сбруя. Над гребнем холма показался всадник. Из-за блеклого солнца, висевшего низко над горизонтом позади, Логен не мог хорошенько рассмотреть появившегося человека, но в седле тот держался напряженно и неуклюже, словно не привык к дороге. Всадник осторожно понукал свою лошадь, побуждая ее приблизиться к костру, потом остановился в нескольких ярдах от Логена и натянул поводья.

– Добрый вечер, – сказал он.

Он ни в малейшей степени не соответствовал тому образу, который представлял себе Логен. Маг оказался тощим, бледным, болезненного вида молодым человеком с темными кругами под глазами, с длинными волосами, облепившими голову после прошедшего дождика, и нервной улыбкой. Не столько мудрый, сколько мокрый, и определенно не обладающий могуществом, о каком не смеют мечтать люди. Он казался голодным, озябшим и больным. Если подумать, он выглядел так, как чувствовал себя Логен.

– Разве у тебя нет посоха?

Молодой человек, по-видимому, удивился.

– Нет... то есть э-э... дело в том, что я не маг, – ответил он и замолчал, нервно облизав

губы.

– Духи сказали, что меня ищет маг. Но они часто ошибаются.

– А-а... ну да. Я только ученик. Мой хозяин – великий Байяз. – Тут он почтительно склонил голову. – Первый из магов, мастер высокого искусства, наделенный глубочайшей мудростью. Я послан, чтобы найти тебя и привести... – В голосе молодого человека внезапно зазвучало сомнение. – Ты ведь Логен Девятипалый?

Логен поднял левую кисть и взглянул на бледного юношу через просвет на том месте, где раньше был его средний палец.

– О, замечательно! – Ученик облегченно вздохнул, но вдруг осекся. – Ох, то есть я хотел... э-э... мне жаль, что ты потерял палец.

Логен рассмеялся – в первый раз с тех пор, как вытащил себя из реки. Не особенно смешная фраза, но он хохотал во все горло. Это было приятно. Юноша тоже улыбнулся и с болезненной гримасой соскользнул с седла.

– Меня зовут Малахус Ки.

– Малахус – как?

– Ки, – повторил тот, придвигаясь к костру.

– Что это за имя?

– Я родом из Старой империи.

Логен никогда не слышал о подобном месте.

– Империи, вот как?

– Ну, она когда-то была империей. Самая могущественная нация на Земном круге. – Юноша неловко присел на корточки возле костра. – Но ее былая слава давно исчезла. Сейчас там лишь огромное поле битвы.

Логен кивнул: он хорошо знал, как выглядит поле битвы.

– Это очень далеко отсюда. На западе мира. – Ученик мага неопределенно махнул рукой.

Логен опять расхохотался:

– Там восток!

Ки печально улыбнулся.

– Я провидец, хотя, кажется, не очень хороший. Мастер Байяз послал меня отыскать тебя, но звезды не благоприятствовали мне, и я заблудился в грозу. – Он смахнул с лица волосы и развел руками. – У меня была вьючная лошадь с провиантом и снаряжением и еще один конь для тебя, но я потерял их во время бури. Боюсь, я плохой путешественник.

– Похоже на то.

Ки достал из кармана фляжку и наклонился над костром. Логен взял ее у него, открыл и сделал глоток. Горячая жидкость пробежала по гортани, согревая его до корней волос.

– Ну что ж, Малахус Ки, ты потерял провизию, но оставил при себе то, что действительно важно. В такие дни надо постараться, чтобы заставить меня улыбнуться. Приветствую тебя у своего костра!

– Благодарю тебя. – Ученик помедлил, протягивая ладони к чахлому пламени. – Я не ел два дня... – Он тряхнул головой, и его длинные волосы закачались из стороны в сторону. – Это было... тяжелое время.

Он снова облизал губы и посмотрел на котелок. Логен протянул ему ложку. Малахус Ки воззрился на нее большими круглыми глазами.

– А ты сам уже поел?

Логен кивнул. На самом деле он не успел поесть, но несчастный ученик мага выглядел

совсем изголодавшимся; к тому же еды едва ли хватило бы даже на одного. Логен еще раз отхлебнул из фляжки. Этого пока хватит.

Ки набросился на похлебку. Закончив, он выскреб котелок, облизал ложку, а вдобавок вылизал еще и края котелка. Наконец он откинулся назад, опираясь на большой валун.

– Я у тебя в неоплатном долгу, Логен Девятипалый, ты спас мне жизнь! Я и не осмеливался надеяться, что ты окажешься столь гостеприимным хозяином.

– Ну, ты тоже не совсем то, чего я ожидал, если честно. – Логен снова отхлебнул из фляжки и облизал губы. – Кто такой этот Байяз?

– Первый из магов, мастер высокого искусства, наделенный глубочайшей мудростью. Боюсь, он будет очень недоволен мной.

– То есть его следует бояться?

– Ну, – слабым голосом проговорил ученик, – характер у него действительно немного вспыльчивый.

Логен сделал еще глоток. Теперь тепло разлилось по всему телу, и в первый раз за прошедшие недели он почувствовал, что согрелся. Некоторое время ученик и Логен молчали.

– Чего он хочет от меня, Ки?

Ответа Девятипалый не услышал. С той стороны костра донеслось негромкое похрапывание. Логен улыбнулся и, завернувшись в куртку, тоже улегся спать.

Ученик мага проснулся от неожиданного приступа кашля. Стояло раннее утро, и хмурый мир вокруг был окутан туманом. Пожалуй, так даже лучше: здесь не на что смотреть, кроме нескончаемых миль грязи, камня и чахлах зарослей бурого утесника. Все покрывала холодная роса, но Логен ухитрился сделать так, что один тощий язычок пламени еще горел. Волосы облепили бледное лицо Ки. Он перекатился на бок и сплюнул мокроту на землю.

– О-о-ох, – прохрипел он, закашлялся и сплюнул еще раз.

Логен навьючивал последние остатки своего скудного снаряжения на несчастную лошадь.

– Доброе утро, – сказал он, поднимая голову и глядя в белое небо. – Хотя не очень-то оно и доброе.

– Я умру... Я умру, и мне уже не придется двигаться.

– У нас нет еды, так что, если мы останемся здесь, ты действительно умрешь. Тогда я смогу съесть тебя и вернуться обратно на ту сторону гор.

Ученик мага слабо улыбнулся.

– И что мы будем делать?

Действительно, что?

– Где мы найдем твоего Байяза?

– В Великой Северной библиотеке.

Логен не слышал о таком месте, но ведь его никогда не интересовали книги.

– И где это?

– К югу отсюда, около четырех дней пути верхом, около большого озера.

– Ты знаешь дорогу?

Ученик мага встал, слегка пошатываясь. Он дышал быстро и неглубоко, был призрачно бледен, а его лицо усеивали бисеринки пота.

– Кажется, да, – пробормотал он не слишком уверенно.

Ни Ки, ни его лошадь не продержатся четыре дня без еды, даже если предположить, что

они не заблудятся. Найти еду – вот главная задача. Лучше всего следовать вдоль дороги, текущей через леса на юг, несмотря на большой риск. Там можно встретить разбойников, но корма для лошади в лесу много; в любом другом случае путники, скорее всего, погибнут от голода.

– Ты поедешь верхом, – сказал Логен.

– Но ведь это я потерял лошадей! Значит, мне и идти пешком.

Логен положил руку на лоб юноши, горячий и влажный.

– У тебя лихорадка. Тебе лучше ехать верхом.

Ученик не пытался настаивать. Он взглянул вниз, на Логеновы изорванные сапоги:

– Сможешь надеть мои сапоги?

– Они слишком маленькие, – покачал головой Логен.

Он встал на колени перед дымящимися остатками костра и сложил губы трубочкой.

– Что ты делаешь?

– У каждого костра есть свой дух. Я положу этого себе под язык, а потом мы сможем использовать его, чтобы разжечь новый костер.

Ки был слишком болен, чтобы удивляться. Логен втянул духа в рот и закашлялся, содрогаясь от горечи дыма.

– Ты готов? – спросил он ученика.

Тот развел руками и с безысходной покорностью ответил:

– Я уже собрался.

Малахус Ки любил поговорить. Он говорил без умолку, пока они двигались к югу через пустоши, а солнце светило в тусклом небе и когда они входили в леса ближе к вечеру. Болезнь не мешала Малахусу болтать, и Логен не возражал. Он давно ни с кем не говорил, а сейчас слова ученика помогали ему отвлечься от боли в ногах. Логен терзался от голода и усталости, но главной проблемой были именно ноги. Его сапоги превратились в обрывки старой кожи, пальцы были изрезаны и разбиты, голень все еще горела от зубов шанка. Каждый шаг стал пыткой. Когда-то Логена называли самым страшным человеком на Севере, а теперь его самого страшили камни и неровности дороги. Это походило на издевку. Логен вздрогнул, наступив на очередной острый камень.

– ...так я провел семь лет в учении у мастера Захаруса. Его имя славится среди магов, он пятый из двенадцати учеников Иувина. Великий человек! – продолжал рассказ Ки. Очевидно, что все дела магов были в его глазах великими. – Потом он решил, что я достаточно подготовлен и могу отправляться в Великую Северную библиотеку к мастеру Байязу, чтобы заслужить посох мага. Но там мне пришлось нелегко. Мастер Байяз – чрезвычайно требовательный и...

Лошадь вдруг встала как вкопанная и фыркнула, потом прыгнула в сторону и сделала неуверенный шаг назад. Логен понюхал воздух и нахмурился. Где-то рядом были люди, причем весьма грязные. Он должен был почуять это раньше, но отвлекся из-за боли в ногах. Ки глянул на него с седла:

– Что там?

Словно в ответ на его вопрос, шагах в десяти перед ними из-за дерева вышел человек, а немного дальше на дороге появился еще один. Оба были, без сомнения, совершенным отребьем: грязные, бородатые, одетые в изодранные куски разношерстного меха и кожи – в общем, почти как сам Логен. У тощего парня, который стоял слева от них, имелось копьё с

зазубренным наконечником. Здоровый верзила справа держал тяжелый меч, весь в пятнах ржавчины; его голову прикрывал старый помятый шлем с шипом наверху. Ухмыляясь, они двинулись навстречу Логену. Сзади раздался какой-то звук, и Логен тревожно обернулся через плечо. Третий человек – с большим чирьем на лице – осторожно подбирался к ним вдоль дороги, сжимая в руках тяжелый топор.

Ки наклонился к Логену с седла, его глаза широко раскрылись от страха:

– Это что, разбойники?

– Ты действительно провидец, мать твою, – прошипел Логен сквозь стиснутые зубы.

Люди остановились, не дойдя до них пары шагов. Верзила в шлеме, по-видимому, командовал.

– Хорошая лошадь, – прорычал он. – Не хотите ее нам одолжить?

Парень с копьем ухмыльнулся и взялся за уздечку.

Положение все-таки изменилось к худшему. Минуту назад казалось, что это уже невозможно, но судьба нашла способ. Логен сомневался, что от Ки будет толк в драке. Значит, он один против троих (если у разбойников нет сообщников), с единственным ножом. Если Логен не справится, их с Малахусом ограбят и, скорее всего, убьют. Тут надо смотреть правде в глаза.

Он снова оглядел бандитов. Они не ожидали сопротивления от двух небооруженных людей, и их копье смотрело в сторону, наконечником в землю. Что касается топора, то приходилось положиться на удачу. Это печальная истина: человек, который бьет первым, обычно бьет и последним, так что Логен повернулся к парню в шлеме и выплюнул огненного духа ему в лицо.

В воздухе дух воспламенился и жадно набросился на разбойника. Голову оборванца охватили языки шипящего пламени, меч с лязгом упал на землю. Бандит в отчаянии схватился за лицо, и его руки тоже загорелись. Он с воплем кинулся прочь.

Лошадь Ки испугалась огня, фыркнула и дернулась назад. Тощий разбойник охнул и споткнулся, и в этот момент Логен бросился на него, одной рукой схватился за древко копья и ударил парня головой в лицо. Нос бандита хрустнул, столкнувшись со лбом Логена, и разбойник пошатнулся, по его подбородку заструилась кровь. Логен еще раз дернул за копье, размахнулся правым кулаком по широкой дуге и врезал противнику по шее. Хрипя и задыхаясь, бандит упал, и Логен вырвал копье из его рук.

Он почувствовал за спиной движение, бросился на землю и быстро откатился влево. Топор со свистом пронесся в воздухе над его головой и рассек бок лошади длинной раной, разбрызгивая по земле капли крови; на лету он срезал пряжку с седельной подпруги. Разбойник с чирьем покачнулся, разворачиваясь вслед за своим топором. Логен прыгнул на него, но наступил на камень и подвернул лодыжку; он пошатнулся, словно пьяный, взревев от боли. Стрела, выпущенная откуда-то сзади, из-за деревьев, прогудела мимо его лица и пропала в кустарнике по ту сторону дороги. Лошадь фыркала и брыкалась, бешено вращая глазами, потом пустилась вдоль по дороге безумным галопом. Седло соскользнуло с ее спины, и Малахус Ки с криком свалился в кусты.

Думать о нем не было времени. Логен заревел и набросился на человека с топором, направив копье в его сердце. Тот успел подставить топор и отвести наконечник в сторону, но недостаточно далеко – копье проткнуло плечо разбойника, развернув его вокруг оси. Раздался резкий хруст, и древко переломилось; Логен потерял равновесие и нырнул вперед, повалив Чирья на дорогу. Торчавший из спины бандита наконечник копья глубоко разрезал

скальп его противника, упавшего сверху. Логен обеими руками схватил врага за спутанные волосы и с силой впечатал лицом в дорожный булыжник.

Голова его кружилась, глаза заливала кровь, и он вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы заметить еще одну стрелу. Она прилетела из-за деревьев и глухо ударилась о ствол совсем рядом. Логен кинулся к лучнику. Теперь он увидел его: мальчик лет четырнадцати, уже достававший новую стрелу. Логен вытащил нож. Мальчик торопливо прилаживал стрелу, но в его глазах плескалась паника. Он неловко дернул тетиву, пронзил собственную руку и глядел на рану с изумлением.

Логен был уже над ним. Мальчишка замахнулся луком, но Логен нырнул под удар и прыгнул вперед, вонзая нож снизу вверх обеими руками. Клинок поддел мальчика под подбородок и поднял в воздух, затем отломился от рукояти и застрял в шее жертвы. Тело свалилось на Логена, и зазубренный обломок ножа полоснул его по руке, оставив длинный порез. Кровь заливала все вокруг – хлестала из ссадины на черепе Логена, из пореза на его руке, из зияющей раны в горле мальчика.

Логен отпихнул труп в сторону, пошатнулся, прислонился к дереву и глотнул воздуха. Его сердце колотилось, кровь редела в ушах, желудок выворачивался наизнанку.

– Я еще жив, – прошептал он. – Я жив...

Раны на голове и руке начали пульсировать. Еще два шрама. Могло быть гораздо хуже. Он стер кровь с глаз и похромал обратно к дороге.

Малахус Ки с пепельным лицом стоял и смотрел на три трупа. Логен взял его за плечи и оглядел с ног до головы.

– Ты ранен? – спросил он.

Ки по-прежнему пялился на тела. Он спросил:

– Они мертвы?

Труп верзилы в шлеме еще дымился, издавая чудовищно аппетитный запах. Логен заметил, что у разбойника хорошие сапоги – гораздо лучше его собственных. Шея бандита с чирьем была вывернута слишком круто, чтобы тот остался жив; к тому же из тела торчал обломок копья. Логен перевернул ногой тощего: с залитого кровью лица так и не сошло выражение изумления, глаза слепо уставились в небо, рот разинут.

– Должно быть, перебил ему дыхательное горло, – пробурчал Логен.

Его руки были в крови. Он сжал их, чтобы остановить дрожь.

– А тот, что прятался за деревьями? – проговорил Ки.

Логен лишь кивнул и спросил:

– Скажи лучше, что с лошадьёю?

– Ускакала, – унылым голосом ответил ученик мага. – Что мы будем делать?

– Посмотрим, нет ли при них какой-нибудь еды. – Логен показал на дымящийся труп: –

И ты сможешь мне снять с него сапоги.

– Наступайте, Джезаль, наступайте! Не стесняйтесь!

Джезаль был только рад повиноваться. Он прыгнул вперед и сделал выпад правой. Вест, уже потерявший равновесие, неловко попятился; он совершенно выбился из сил и с трудом сумел парировать удар своим коротким клинком. Сегодня они дрались полузаточенным оружием, чтобы добавить происходящему остроты. Таким клинком нельзя по-настоящему проткнуть противника, но можно нанести пару болезненных царапин, если очень постараться. Джезаль намеревался устроить это майору в отместку за вчерашнее унижение.

– Вот так, задайте ему перцу! Выпад, капитан, выпад!

Вест попытался произвести неуклюжий режущий удар, но Джезаль заметил надвигающийся клинок и отбил его в сторону, по-прежнему наступая и коля шпагой что было мочи. Он хлестнул левым клинком, потом еще раз; Вест отчаянным движением блокировал удар и попятился, но сзади была стена. Теперь он попался! Капитан радостно засмеялся и снова ринулся на противника, выставив перед собой длинную шпагу, но тут Вест, к немалому удивлению Джезала, неожиданно воспрянул, ускользнул вбок и отбил атаку с разочаровывающей твердостью. Джезаль потерял равновесие, качнулся вперед и потрясенно ахнул, когда его шпага попала в трещину между камнями. Клинок вырвался из онемевшей руки капитана и дрожал, воткнувшись в стену.

Вест метнулся вперед, нырнул под второй клинок Джезала и с силой врезался в противника плечом.

– У-уф, – выдохнул Джезаль, качнулся назад и рухнул на пол, выронив свою короткую шпагу.

Клинок заскользил по камням, и лорд-маршал Варуз ловко прижал его ногой. Затупленный кончик шпаги майора Веста остановился в воздухе у горла капитана.

– Черт знает что! – выругался Джезаль.

Майор, широко улыбаясь, предложил ему руку.

– Именно, – глубоко вздохнул Варуз. – Именно черт знает что. Еще более жалкое зрелище, чем вчерашнее, если такое возможно! Вы опять позволили майору Весту обвести вас вокруг пальца!

Джезаль угрюмо отмахнулся от протянутой руки и поднялся на ноги.

– Он ни на минуту не потерял контроль в этой схватке! – продолжал маршал. – Вы дали заманить себя, а затем разоружить! Разоружить! Даже мой внук не сделал бы подобной ошибки, а ведь ему восемь лет! – Варуз ударил об пол своей тросточкой. – Прошу вас, объясните мне, капитан Луфар, как вы победите в фехтовальном турнире, если будете валяться на полу без оружия?

Джезаль насупился, потирая затылок.

– Не можете? Запомните на будущее: если вы вдруг упадете с обрыва с клинками в руках, я бы хотел видеть, что ваши мертвые пальцы по-прежнему крепко сжимают оружие. Вы слышите меня?

– Да, маршал Варуз, – угрюмо буркнул Джезаль, от души желая, чтобы старая сволочь сам свалился с обрыва. Или, например, с Цепной башни. Это было бы справедливо. И майор Вест пускай присоединится к нему.

– Излишняя самоуверенность – проклятие для фехтовальщика! Вы должны смотреть на

каждого противника так, словно он у вас последний. Что касается того, как работают ваши ноги... – Варуз с отвращением скривил губы. – То все замечательно, пока вы двигаетесь вперед. Однако стоит вам оказаться в позиции обороны, и вы теряетесь. Майор чуть ткнул вас, и вы тут же повалились, словно школьница в обмороке!

Вест смотрел на Джебзаль с широкой улыбкой. Ему это нравилось. Ему это очень нравилось, черт подери!

– Говорят, что у Бремера дан Горста ноги тверды, как стальные колонны. Стальные колонны, так я слышал! Говорят, что свалить его на землю труднее, чем обрушить Дом Делателя! – Лорд-маршал указал на очертания огромной башни, маячившей поверх окружающих двор зданий. – Дом Делателя! – раздраженно повторил он.

Джебзаль фыркнул и стукнул об пол носком сапога. В сотый раз он утешал себя мыслью, что можно плюнуть на все это и никогда больше не брать в руки шпагу. Но что скажут люди? Его отец до идиотизма гордился им, вечно хвастался перед всеми мастерством Джебзаль и твердо решил увидеть, как сын сражается на площади Маршалов перед вопящей толпой. Если сейчас бросить фехтование, отец будет оскорблен до глубины души. Тогда придется сказать «прощай» и новому званию, и жалованью, и амбициям. Несомненно, братьям это придется по вкусу.

– Устойчивость – вот ключ ко всему, – продолжал разглагольствовать Варуз. – Сила фехтовальщика начинается с его ног! С этого дня мы добавим к вашим упражнениям еще один час на бревне. Каждый день.

Джебзаль сморщился.

– Итак: пробежка, упражнения с тяжелым брусом, позиции, один час спарринга, снова позиции и один час на бревне. – Лорд-маршал удовлетворенно кивнул. – Пока что этого достаточно. Надеюсь увидеть вас завтра в шесть часов утра трезвым как стеклышко. – Варуз посмотрел на него, нахмутив брови. – Трезвым. Как. Стеклышко, – отдельно повторил он.

– Это не может продолжаться до бесконечности, – бормотал Джебзаль, с трудом ковыляя в казарму. – Сколько такого дерьма может вынести человек?

Вест ухмыльнулся:

– Это еще ничто. Я никогда не видел, чтобы старая сволочь был с кем-нибудь так мягок. Должно быть, ты ему действительно нравишься. Со мной он вел себя как минимум вдвое хуже.

Джебзаль не мог поверить:

– Что? Еще хуже?

– Я не имел таких данных, как у тебя. Он заставлял меня держать тяжелый брус над головой весь вечер, пока тот не падал на меня. – Майор слегка вздрогнул, словно даже воспоминание было болезненным. – Он заставлял меня бегать вверх и вниз по Цепной башне в полной амуниции. Я тренировался по четыре часа ежедневно.

– Как же ты вынес это?

– У меня не оставалось выбора. Я ведь не дворянин. Фехтование было для меня единственным способом отличиться. Но в итоге все окупилось. Сколько ты знаешь простолюдинов в личной королевской охране?

Джебзаль пожал плечами:

– Да, если подумать, немного.

По его понятиям, простолюдины вообще не должны здесь служить.

– Но ты из хорошей семьи, ты уже стал капитаном, – продолжал Вест. – Если тебе удастся выиграть турнир, ты далеко пойдешь. Хофф – лорд-камергер, Маровия – верховный судья, да и сам Варуз, если уж на то пошло, – все они были чемпионами в свое время. Чемпионы хорошей крови всегда поднимаются очень высоко.

– Как твой друг Занд дан Глокта? – хмыкнул Джезаль.

Это имя упало между ними, как камень.

– Ну... почти всегда.

– Майор Вест! – раздался сзади грубый голос.

К ним спешил коренастый сержант со шрамом на щеке.

– А, сержант Форест, как поживаете? – спросил Вест, приветливо хлопая солдата по спине.

Майор умел ладить с крестьянами, и Джезаль не мог не вспомнить о том, что Вест и сам почти крестьянин. Да, он получил образование, стал офицером и все прочее; но если подумать, у него по-прежнему больше общего с этим сержантом, чем с Луфаром.

Сержант просиял:

– Очень хорошо, благодарю вас, сэр! – Он почтительно кивнул Джезалю: – Доброе утро, капитан.

Джезаль удостоил его сухим кивком и перевел взгляд на простирившийся перед ним проспект. Он не понимал, зачем офицеру поддерживать дружеские отношения с простыми солдатами. Кроме того, сержанта уродовал шрам, а Джезаль не хотел иметь никаких дел с безобразными людьми.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Вест.

– Маршал Берр желает вас видеть, сэр, у него срочное совещание. Всем старшим офицерам приказано быть.

Лицо Веста помрачнело.

– Я прибуду сразу же, как только смогу.

Сержант отсалютовал и зашагал прочь.

– В чем там дело? – небрежно спросил Джезаль. Он наблюдал, как некий клерк преследовал улетевшую бумагу.

– Инглия. Этот Бетод, король Севера... – Вест сморщился, произнося имя короля, словно оно было горьким на вкус. – Говорят, он разгромил всех своих врагов на Севере и теперь лезет в драку с Союзом.

– Ну что ж, если он сам хочет драки... – легкомысленно отозвался Джезаль.

Войны, по его мнению, были весьма полезны – отличная возможность стяжать славу и продвинуться по службе.

Легкий ветерок пронес оброненную бумагу мимо его сапога. Следом бежал и сам запыхавшийся клерк. Джезаль усмехнулся, глядя на его неуклюжие попытки поймать улетевший документ. Майор ловко подхватил перепачканную бумагу и протянул клерку.

– Спасибо, сэр, – проговорил тот с выражением такой благодарности, что его потное лицо выглядело просто жалким. – Огромное вам спасибо!

– Не стоит, – буркнул Вест.

Отвесив угодливый поклон, клерк поспешил прочь. Джезаль был разочарован – его весьма забавляло, как тот охотился за бумагой.

– Может начаться война, но сейчас это наименьшая из моих проблем. – Вест тяжело вздохнул. – Моя сестра прибыла в Адую.

- Не знал, что у тебя есть сестра.
- Да, она у меня есть, и она здесь.
- И что с того?

Джезаль не испытывал большого желания выслушивать рассказы майора о его сестре. Сам Вест, возможно, и сумел вытащить себя из грязи, но дела его семья совершенно не касались Джезалья. Капитана занимали бедные простолюдинки, которыми он мог воспользоваться, и богатые светские дамы, на которых он в будущем мог бы жениться. Остальные женщины его не интересовали.

– Видишь ли, моя сестра, может быть, и очаровательна, но она ведет себя несколько... необычно. Когда у нее плохое настроение, это сущее наказание для всех вокруг. По правде говоря, я бы предпочел иметь дело с бандой северян, чем с ней.

– Да брось ты, Вест, – рассеянно сказал Джезаль, почти не слушая. – Уверен, никаких особых трудностей она не доставит.

Лицо майора просветлело.

– Я рад, что ты так говоришь. Сестре очень хотелось увидеть Агрионт собственными глазами, и я годами обещал ей устроить экскурсию, если она когда-нибудь окажется здесь. Вообще-то мы как раз договорились на сегодня.

Сердце Джезалья екнуло.

– Однако теперь, с этим совещанием... – продолжал Вест.

– Но у меня так мало времени! – жалобно захныкал капитан.

– Обещаю, что помогу тебе наверстать упущенное. Встретимся у меня через час.

– Нет, постой...

Однако Вест уже торопливо шагнул прочь.

«Только бы она не оказалась уродиной, – думал Джезаль, медленно подходя к двери майора Веста и неохотно поднимая кулак, чтобы постучать. – Только бы она не оказалась уродиной. Или душой. Как не хочется терять вечер с глупой девицей».

Его рука почти коснулась деревянной поверхности, когда изнутри послышались громкие голоса. Капитан замер в коридоре и ближе придвинул ухо в надежде разобрать что-нибудь лестное о себе.

– А что случилось с твоей горничной? – донесся до него приглушенный голос Веста. Судя по всему, майор был весьма раздражен.

– Мне пришлось оставить ее. Накопилось слишком много дел. Никто не занимался домом уже несколько месяцев.

Сестра Веста. Сердце Джезалья упало. Голос низкий – значит, скорее всего, она толстая. Джезаль не мог позволить себе появиться на улицах Агрионта под руку с толстой девушкой. Это разрушит его репутацию.

– Но ты же не можешь ходить по городу одна!

– Слушай, я же добралась сюда одна и ничего не случилось, правда? Ты забываешь, кто мы такие, Коллем. Я вполне могу обойтись без прислуги. Для большинства здешних я сама немногим лучше прислуги. Кроме того, за мной присмотрит твой друг, капитан Луфар.

– Это еще хуже. И ты прекрасно это знаешь, черт возьми!

– Но я же не могла знать, что ты окажешься занят. Ты мог найти время, чтобы повидаться с собственной сестрой! – Она явно не глупа. Но толстая, да еще и сварливая... – Разве рядом с твоим другом я не буду в безопасности?

– Да, он вполне надежен. Но будет ли он в безопасности рядом с тобой? – Джебаль не совсем понял, что майор хотел сказать этим замечанием. – Ты собираешься гулять по Агрионту одна, да еще с человеком, которого едва знаешь! Не прикидывайся дурочкой, ты все понимаешь! Что подумают люди?

– Мне насрать, что подумают люди!

Джебаль рывком отодвинулся от двери. Он не привык слышать подобные выражения из дамских уст. Толстая, сварливая, да еще и вульгарная, черт побери! Все гораздо хуже, чем он предполагал. Джебаль поглядел в конец коридора, готовый сбежать. Мысленно он подбирал подходящие извинения. Однако – проклятое невезение! – кто-то поднимался по лестнице. Теперь не получится уйти незамеченным. Придется постучать. Надо собраться с духом и поскорее покончить с этим делом. Скрипнув зубами, он громко забарабанил в дверь.

Голоса резко смолкли, и Джебаль изобразил фальшивую дружелюбную улыбку. Дверь распахнулась.

Он ожидал увидеть нечто вроде приземистой и толстой копии майора Веста в платье. И сильно ошибся. Фигура девушки, возможно, и была несколько более пышной, чем того требовала строгая мода – при дворе предпочитали костлявых девиц, – но толстухой ее никак не назовешь. У нее оказались темные волосы и смуглая кожа – более темного оттенка, чем тот, что считался идеальным. Джебаль знал, что дама должна тщательно избегать солнечных лучей, но сейчас, глядя на сестру Веста, не мог вспомнить почему. Ее темные, почти черные глаза сияли в полумраке дверного проема, и, хотя в нынешнем сезоне всем кружили головы голубоглазые красавицы, это было чарующе и неотразимо.

Девушка улыбнулась Джебалу. Улыбка ее выглядела странно: с одной стороны уголки губ поднимались несколько выше, чем с другой. Это внушало смутное беспокойство – словно она знала что-то забавное, чего не знал он. Ровные великолепные зубы, белые и блестящие. Гнев капитана быстро исчез. Чем дольше он смотрел на нее, тем сильнее она ему нравилась и тем меньше здравых мыслей оставалось в его голове.

– Здравствуйте, – сказала она.

Джебаль приоткрыл рот, но не произнес ни звука. Его мозг был пуст, как белый лист.

– Вы, должно быть, капитан Луфар?

– Э-э...

– Я сестра Коллема – Арди. – Она хлопнула себя по лбу. – Ох, какая же я идиотка: Коллем наверняка давно рассказал вам обо мне! Я знаю, вы с ним большие друзья.

Джебаль неловко посмотрел на майора, а тот смущенно нахмурился. Вряд ли уместно сообщать Арди, что капитан и не подозревал о ее существовании вплоть до сегодняшнего утра. Джебаль отчаянно пытался придумать какой-то интересный ответ, но ничего не шло на ум.

Арди схватила гостя за локоть и потащила в комнату, не переставая говорить:

– Я знаю, вы великий фехтовальщик, но мне говорили, что ваш ум острее вашей шпаги. И что с друзьями вы предпочитаете использовать шпагу, потому что ваш ум слишком опасен.

Она выжидающе взглянула на него.

– Ну, – промямлил он, – я действительно немного фехтую...

Ужасно. Просто кошмар.

– Это тот самый Луфар или к нам зашел садовник? – воскликнула она и оглядела его со странным выражением. Примерно таким же взглядом Джебаль осматривал лошадь перед покупкой: настороженно, очень внимательно и чуть-чуть презрительно. – Похоже,

садовников здесь наряжают в красивые мундиры, – наконец заключила она.

Ее слова походили на оскорбление, но Джезаль был слишком занят, пытаясь придумать умную реплику, чтобы обращать на это внимание. Он знал, что должен сказать что-либо сейчас или провести остаток дня в неловком молчании, поэтому открыл рот и положился на удачу:

– Прошу прощения, если я выгляжу растерянным. Ведь майор Вест – не очень-то привлекательный мужчина, и как мог я ожидать, что у него такая восхитительная сестра?

Вест фыркнул. Его сестра приподняла бровь и принялась загибать пальцы:

– Дерзко по отношению к моему брату; это хорошо. Немного забавно, что тоже хорошо. Честно, что довольно необычно. И очень лестно для меня, что, разумеется, превосходно. Немного запоздало, но в целом ожидание стоило того. – Она взглянула Джезалю прямо в глаза. – Может быть, вечер не совсем потерян.

Джезаль сомневался, что ему понравилось последнее замечание и то, как она на него смотрела. Но ему самому очень нравилось смотреть на нее, и он был готов простить ей многое. Знакомые ему женщины редко говорили что-нибудь умное, особенно хорошенькие. Он подозревал, что их специально обучали лишь улыбаться, кивать и слушать речи мужчин. В целом он был согласен с таким положением вещей, но ум очень шел сестре Веста, и она пробудила его любопытство. Про лишней вес и сварливость можно забыть. Что же до вульгарности – симпатичные люди никогда не бывают вульгарны, не так ли? Они просто... ведут себя необычно. Джезаль уже думал, что вечер, как она и говорила, не совсем потерян.

Вест направился к двери.

– Теперь я должен оставить вас вдвоем потешаться друг над другом. Меня ждет лорд-маршал Берр. Только не делайте того, чего не стал бы делать я, хорошо?

Последние слова были обращены к Джезалю, но Вест смотрел на свою сестру.

– Кажется, нам позволили делать почти все, что угодно, – откликнулась она, поймав взгляд капитана.

Тот с изумлением почувствовал, что краснеет, как девочка. Он кашлянул и посмотрел себе под ноги. Вест закатил глаза.

– Боже милосердный! – воскликнул он, и дверь за ним закрылась.

– Хотите выпить? – спросила Арди, уже наливая вино в бокал.

Наедине с очаровательной молодой девушкой. Едва ли в этом есть что-то новое, говорил себе Джезаль, однако ему явно не хватало обычной уверенности.

– Да, спасибо, вы очень любезны.

Конечно же, выпить – это как раз то, что поможет успокоить его нервы. Арди протянула ему бокал и налила второй для себя. Он сомневался, что молодой даме пристало пить в такое время, но не решился об этом заговорить. В конце концов, она не его сестра.

– Расскажите мне, капитан, как вы познакомились с моим братом?

– Ну, он мой непосредственный начальник. Кроме того, мы вместе фехтуем. – Его мозги снова заработали. – Но... вы ведь и сами все знаете.

Она усмехнулась.

– Конечно, но моя гувернантка придерживалась мнения, что надо позволять молодым людям принимать участие в беседе.

Джезаль от неожиданности закашлялся и пролил вино себе на куртку.

– О боже, – пробормотал он.

– Сейчас, подержите пока это...

Арди отдала Джезалю свой бокал, и обе руки капитана теперь оказались заняты. Когда она принялась вытирать вино с его груди белоснежным носовым платком, он не стал протестовать, хотя счел ее поведение довольно дерзким. По чести сказать, он мог бы возмутиться, не будь она такой хорошенькой. Понимает ли она, какое дивное зрелище открывается Джезалю в вырезе ее платья? Разумеется, нет, она ничего не понимала. Она приехала из деревни и еще не привыкла к тонким манерам... это безыскусное простодушие сельской девушки, и все такое прочее... А зрелище и впрямь было чудесное.

– Вот так лучше, – проговорила Арди, хотя ее старания не слишком помогли – во всяком случае, мундиру. Она отобрала у Джезали бокалы, быстро осушила свой, лихо запрокинув голову, и поставила оба на стол. – Ну что, пойдём?

– Да-да... разумеется. Ах, пожалуйста. – Он предложил ей руку.

Она повела Джезали по коридору и вниз по лестнице, непринужденно болтая. Это был настоящий словесный шквал, и, как недавно заметил маршал Варуз, оборона капитана слабела. Он отчаянно парировал выпады Арди, пока они шли через широкую площадь Маршалов, но ему едва удавалось вставить слово. Создавалось впечатление, что девушка жила здесь много лет, а Джезаль – приезжий олух из провинции.

– Там Палата военной славы? – Она кивнула в сторону высокой стены, отделявшей штаб-квартиру вооруженных сил Союза от остальной части Агрионта.

– Совершенно верно. Именно там находятся канцелярии лорд-маршалов, казармы, арсеналы и... э-э...

Он замолчал, не зная, что добавить, но Арди пришла ему на выручку.

– Тогда мой брат тоже должен быть где-то там! Он ведь прославленный воин, как я понимаю: первый прошел в брешь при Ульриохе и все такое.

– Э-э, ну да, майора Веста здесь очень уважают...

– Но подчас он бывает занудой, да? Он очень любит казаться загадочным и озабоченным.

Она изобразила на лице легкую отрешенную улыбку и задумчиво потерла подбородок, как делал ее брат. Она так точно скопировала выражение лица Веста, что Джезаль не мог не рассмеяться. Одновременно он подумал, что ей, пожалуй, не стоит идти так близко к нему и так интимно держать его под руку. Не то чтобы он возражал – нет, совсем напротив. Но на них смотрели люди.

– Арди... – начал он.

– А это, должно быть, аллея Королей?

– Э-э, да. Арди...

Она подняла голову и рассматривала монументальную статую Гарода Великого. Суровый взгляд изваяния был устремлен куда-то вдаль.

– Это Гарод Великий? – спросила она.

– Да. В темные века, пока не образовался Союз, он боролся за объединение трех королевств. Он был первым высоким королем.

«Идиот, – подумал Джезаль, – она и так все знает, это же каждому известно».

– Арди, я боюсь, что твой брат не...

– А это Байяз, первый из магов?

– Да, он был у Гарода самым доверенным советником. Арди...

– Это правда, что для него до сих пор оставляют свободное место на закрытом совете?

Вопрос захватил Джезали врасплох.

– Ну, я действительно слышал, что там есть пустое кресло, но я не знал, что...

– Они кажутся такими суровыми, правда?

– Ну... полагаю, тогда были суровые времена, – отозвался он, криво улыбаясь.

По проспекту с грохотом проскакал рыцарь-герольд на огромном, покрытом хлопьями пены коне. Крылышки на его шлеме сверкали на солнце. Секретари бросились врассыпную, освобождая дорогу, и Джезаль мягко попытался увести Арди в сторону. К его великому смущению, она отказалась двинуться с места. Лошадь промчалась в нескольких дюймах от нее – настолько близко, что порыв ветра отбросил прядь волос Арди Джезалю в лицо. Девушка повернулась к нему, на ее щеках проступил возбужденный румянец, но она не утратила ни капли самообладания, хотя едва не попала под копыта.

– Это был рыцарь-герольд? – спросила она, снова взяв Джезаль под руку, и двинулась вперед по аллее Королей.

– Да, – хрипло ответил Джезаль; голос его не слушался. – У рыцарей-герольдов серьезнейшая миссия. Они доставляют королевские послания во все концы Союза. – Наконец-то сердце перестало бешено колотиться. – Даже по ту сторону круга Морей, в Инглию, Дагоску и Вестпорт. Они передают слова короля и не имеют права разговаривать ни о чем другом, кроме порученного им дела.

– К нам как-то прибыл на корабле один рыцарь-герольд – Федор дан Хаден. Мы с ним болтали часами, – отозвалась Арди.

Джезаль безуспешно попытался скрыть свое удивление.

– Мы говорили и об Адуе, и о Союзе, и о его семье. Да и ваше имя упоминалось, – продолжала она, и Джезаль снова не смог притвориться беспечным. – В связи с предстоящим турниром. – Арди наклонилась к нему еще ближе. – Федор считает, что Бремер дан Горст изрежет вас на куски.

Джезаль поперхнулся, но быстро справился с собой.

– К несчастью, его мнение разделяют многие.

– Но не вы сами, надеюсь?

– Ну...

Она остановилась и взяла капитана за руку, серьезно глядя ему в глаза.

– Я уверена, вы одолеете его, что бы там ни говорили. Мой брат отзывается о вас очень высоко, а он обычно скуп на похвалы.

– Э-э... – снова промямлил Джезаль.

Его пальцы ощущали приятное покалывание. Глаза девушки были большими и темными, и Джезаль почувствовал, что ему опять не хватает слов. Арди прикусывала нижнюю губу, и мысли его начинали путаться. Такие прекрасные, сочные губы. Джезаль и сам не отказался бы нежно укусить их.

– О, благодарю вас, – пробормотал он с глупой улыбкой.

– А там, значит, парк, – сказала Арди, отворачиваясь от него, чтобы полюбоваться зеленью. – Он еще красивее, чем мне представлялось.

– Гм... да, конечно.

– Как чудесно попасть в самое сердце мира! Я так долго жила на окраине. Здесь принимаются самые важные решения и живут самые важные люди! – Арди провела рукой по листьям ивы, росшей возле дороги. – Коллем считает, что на Севере будет война. Его беспокоит моя безопасность. Думаю, именно поэтому он согласился на мой приезд сюда. Но мне кажется, он тревожится слишком сильно. А что вы думаете об этом, капитан Луфар?

Еще пару часов назад он пребывал в блаженном неведении относительно политической ситуации на Севере. Но вряд ли это подходящий ответ.

– Ну... – протянул он, изо всех сил пытаясь вспомнить имя, и наконец, к его огромному облегчению, оно всплыло из памяти: – Этому Бетоду не повредит хорошая взбучка, я полагаю.

– Говорят, он собрал под свои знамена двадцать тысяч северян. – Арди наклонилась к нему. – Варваров, – промурлыкала она шепотом, – дикарей... Я слышала, он живьем сдирает кожу со своих пленников.

Джезаль подумал, что это едва ли уместная тема для молодой дамы.

– Арди... – проговорил он.

– Но я не сомневаюсь, что с такими воинами, как вы и мой брат, мы, женщины, надежно защищены.

Она повернулась и зашагала по дорожке. Джезалю снова пришлось поспешить, чтобы нагнать ее.

– А это Дом Делателя? – Арди кивнула в сторону мрачного силуэта огромной башни.

– Да, это он.

– И это правда, что ни один человек туда не заходил?

– Правда. Во всяком случае, на моей памяти. Мост всегда поднят и заперт на замок.

Джезаль нахмурился, глядя на башню. Он удивился: почему он никогда не задумывался о ней? Башня всегда была здесь. Живя в Агрионте, незаметно привыкаешь к этому.

– Кажется, я слышал, что она запечатана, – добавил он.

– Запечатана?

Арди придвинулась к нему очень близко. Джезаль нервно огляделся по сторонам, но никто на них не смотрел.

– Не странно ли, что люди не пытаются зайти туда? Разве это не загадочно? – спрашивала девушка, и он ощущал ее дыхание на своей шее. – Ведь можно просто взломать дверь.

Джезаль едва мог сосредоточиться, когда она стояла так близко. Испуганный и возбужденный, он внезапно подумал: уж не флиртует ли она с ним? Нет, нет, разумеется, нет! Она не привыкла к городским манерам, вот и все. Безыскусное простодушие деревенской девушки... Но она придвинулась так близко... не будь она так привлекательна и так уверена в себе... Не будь она... сестрой Веста.

Он кашлянул и посмотрел вдоль дорожки, тщетно пытаясь отвлечься. Там гуляли несколько человек, но ни одного знакомого. Хотя... Внезапно чары Арди рассеялись, и Джезаль пробрал холод. К ним направлялась сгорбленная фигура человека, одетого слишком тепло для этого солнечного дня. Человек сильно прихрамывал и тяжело опирался на трость; он шел согнувшись и вздрагивая при каждом шаге, а более быстрые прохожие обходили его по широкой дуге. Джезаль попытался увести Арди в сторону прежде, чем хромой заметит их, но девушка грациозно увернулась и направилась напрямиком к ковыляющему инквизитору.

Тот почувствовал их приближение и резко вскинул голову. В его глазах загорелась искра узнавания. Сердце Джезаль упало. Избежать встречи было невозможно.

– О, капитан Луфар, – приветливо произнес Глокта и пожал Джезалю руку, – какая приятная встреча! Удивительно, что Варуз отпустил вас так рано. Должно быть, годы смягчили его.

– О нет, лорд-маршал по-прежнему весьма требователен, – возразил Джезаль.

– Надеюсь, мои практики не слишком вас беспокоили прошлой ночью? – Инквизитор горестно покачал головой. – Они не умеют себя вести. Совершенно не умеют! Но в своем деле они самые лучшие! Клянусь, у короля не найдется лучших слуг.

– Полагаю, мы все служим королю по-своему. – Голос Джезалья прозвучал несколько более угрожающе, чем ему хотелось бы.

Если Глокта был оскорблен, он ничем этого не выдал.

– Совершенно верно. Кажется, я не знаком с вашей спутницей?

– Нет. Это...

– Мы ведь уже встречались, – сказала Арди, к немалому удивлению Джезалья, протягивая инквизитору руку. – Арди Вест.

Глокта поднял брови.

– Не может быть! – Он неловко нагнулся, чтобы поцеловать руку девушки. Джезаль заметил, как скривился его рот, когда он выпрямлялся, но беззубая улыбка быстро вернулась на лицо инквизитора. – Сестра Коллема Веста! Вы очень изменились.

– К лучшему, я надеюсь, – засмеялась она.

Джезаль чувствовал себя ужасно неуютно.

– О, разумеется, – сказал Глокта.

– Вы тоже изменились, Занд. – Арди внезапно стала очень печальной. – В нашей семье все так беспокоились о вас. Мы очень надеялись, что вы вернетесь целым и невредимым.

Джезаль увидел, как по лицу Глокты пробежала судорога.

– А потом, когда мы слышали, что с вами сделали... Как вы себя чувствуете?

Инквизитор посмотрел на Джезалья взглядом холодным, как медленная смерть. Джезаль уставился на свои сапоги, чувствуя, как в горле поднимается комок страха. У него нет причин бояться этого калеки, не так ли? Но почему-то ему очень хотелось вновь оказаться сейчас в фехтовальном зале. Глокта перевел взгляд на Арди; его левое веко слегка подергивалось. Она смотрела на него без страха, ее глаза были полны спокойного участия.

– Неплохо. Насколько это возможно. – Выражение его лица стало очень странным, и Джезаль почувствовал себя еще более неуютно. – Благодарю вас за то, что спросили. Серьезно. Меня никто не спрашивает об этом.

Наступило неловкое молчание. Потом инквизитор вытянул вбок шею, и послышался громкий щелчок.

– Ага! – произнес он. – Так-то лучше. Что ж, было очень приятно снова увидеться с вами обоими, но служба зовет.

Он снова обратил к ним свою омерзительную улыбку и заковылял прочь, волоча левую ногу по гравии. Арди хмурилась и смотрела вслед его медленно удаляющейся сторбленной спине.

– Как это печально, – проговорила она вполголоса.

– Что? – буркнул Джезаль.

Он вспомнил о том огромном белом паскуднике на улице, о его сощуренных розовых глазах. Пленник с мешком на голове. Мы все служим королю по-своему... Вот именно. Он непроизвольно поежился.

– Раньше они с братом были довольно близки. Однажды летом он приехал к нам погостить. Моя семья так гордилась знакомством с ним! Они с братом фехтовали каждый день, и Глокта всегда побеждал. Как он двигался – на это стоило посмотреть! Занд дан Глокта. Он был самой яркой звездой на тогдашнем небосклоне. – Она снова просияла своей

мудрой полуулыбкой. – А теперь я слышу то же самое о вас.

– Ну-у... – пробормотал Джебаль, не уверенный, хвалит она его или поддразнивает.

Он не мог отделаться от ощущения, что проиграл сегодня два поединка – и с братом, и с сестрой.

И сестра, похоже, отделала его сильнее.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Goodman (*англ.*) – добрый человек, общепринятое обращение к простолюдину.